

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**Nº 9–10 2021
September – October**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

№ 9–10 2021 (September – October)

ISSN 2310-5593 (Print)

ISSN 2519-1209 (Online)

Editor-in-chief

Bondarenko Natalya, Russia, Doctor of Philosophy Sciences

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynura Abdusshalalovna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Akhmedova Raziya Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Atayev Zagir Vagitovich, Russia, Ph.D. Geographical Sciences
Balabiev Kairat Rahimovich, Kazakhstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Bogolib Tatiana Maksimovna, Ukraine, Doctor of Economics
Bolshakov Andrey Georgievich, Russia, Doctor of Political Sciences
Bondarenko Natalia Grigorievna, Russia, Doctor of Philosophy
Bulatbaeva Ayyul Abdimazhitovna, Kazakhstan, Doctor of Education
Chiladze George Bidzinovich, Georgia, Doctor of Economics, Doctor of Law
Dalibor Milorad Elezović, Serbia, Doctor of History
Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law
Gaydin Sergey Tihonovich, Russia, Doctor of History
Gurov Valeriy Nikolaevich, Russia, Doctor of Education
Ibragimova Liliya Ahmatyanovna, Russia, Doctor of Education
Ibraeva Alua Salamatovna Kazakhstan, Doctor of Law
Ivana Blahuna, Ukraine, Doctor of Economics
Ivannikov Ivan Andreevich, Russia, Doctor of Political Sciences, Doctor of Law
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Khurtsidze Tamila Shalvovna, Georgia, Doctor of Law
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History
Korzh Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Lekerova Gulsim, Kazakhstan, Doctor of Psychology

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology
Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy
Melnichuk Marina Vladimirovna, Russia, Doctor of Economics
Meymanov Bakyt Kattoevich, Kazakhstan, Doctor of Economics
Moldabek Kulakhmet, Kazakhstan, Doctor of Education
Morozova Natalay Ivanovna, Russia, Doctor of Economics
Moskvin Victor Anatolevich, Russia, Doctor of Psychology
Navruzoda Bakhtiyor, Tajikistan, Doctor of Economics
Novikov Alexei, Russia, Doctor of Education
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Salaev Sanatbek Komiljanovich, Uzbekistan, Doctor of Economics
Salamatovna Ibraeva Alua, Kazakhstan, Doctor of Law
Shadiev Rizamat Davranovich, Uzbekistan, Doctor of Education
Shahutova Zarema Zorievna, Russia, Ph.D. of Education
Soltanova Nazilya Bagir, Azerbaijan, Doctor of Philosophy, Ph.D. of History
Spasennikov Boris Aristarkhovich, Russia, Doctor of Law, Doctor of Medicine
Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History
Tereschenko-Kaidan Liliya Vladimirovna, Ukraine, Doctor of Philosophy
Tersvadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Yashkova Tatiana Alexeevna, Russia, Doctor of Political Sciences
Yurova Kseniya Igorevna, Russia, Ph.D. of History
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology
Zolotukhina-Abolina Elena, Russia, Doctor of Philosophy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8 – Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage

ppublishing.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at: <http://ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Study of art

Искусствоведение

УДК 78.03(477)»18/19»: [821:78.071.1(477+470) Лисовський

DOI: 10.29013/AJH-21-9.10-3-12

ДРОБЫШ А. А.¹¹ *Національна музична академія України імені П. І. Чайковського, г. Київ, Україна*

ДНЕВНИКИ ЛЕОНИДА ЛИСОВСКОГО КАК ДОКУМЕНТ ЭПОХИ

Аннотация

Цель статьи – охарактеризовать дневники Леонида Лисовского как документ сложной эпохи в истории русской и украинской музыки конца XIX – первой трети XX веков.

Методы: В исследовании использованы научные методы: культурно-исторический – для рассмотрения жизнедеятельности Л. Л. Лисовского; сравнительно-типологический, биографический и источниковедческий – для анализа дневников как документа эпохи; структурный – для характеристики архива композитора.

Результаты: Рассмотрены дневники русского и украинского композитора Леонида Лисовского, на их материале характеризованы основные направления деятельности композитора, выявлены неизвестные ранее факты его биографии, определены особенности его характера, в частности постоянство и критическое отношение к себе; отношение композитора к реформированию правописания. Особое внимание уделено авторскому описанию в мемуарах социально-экономической ситуации, оказавшей влияние не только на внешние обстоятельства его жизни, но и на морально-психологическое состояние. Отмечены ранее неизвестные факты, уточнены детали некоторых исторических событий. Подчеркнуто большое значение дневников для исследования истории музыкальной культуры и индивидуальных судеб художников, актуальность и новизну дневников Л. Лисовского как документа эпохи. Предложено на их материалах реконструировать биографию композитора.

Новизна: в научный контекст введены дневники Леонида Лисовского как документ эпохи.

Практическая значимость: положения и выводы статьи целесообразно использовать в музыковедческих работах биографического и исторического характера, а также в учебных курсах по истории музыки.

Ключевые слова: дневник, литературное творчество Л. Лисовского, музыкальная культура первой трети XX века.

Для цитирования: Дробыш А. А. Дневники Леонида Лисовского как документ эпохи // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – С. 3–12. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-3-12>

Введение

Леонид Леонидович Лисовский (1866–1934) – русский и украинский композитор, пианист, музыкальный критик, дирижер, педагог, общественный деятель. В свое время он был довольно широко известен, его произведения издавались в ведущих изда-

тельствах страны: П. И. Юргенсона, «Симфония» А. Ф. Федорова, Держвидав (Державне видавництво укр.– Государственное издательство русск.) Украины. Так, в течение 1890–1920-х годов были опубликованы камерно-инструментальные и камерно-вокальные, оркестровые, инструментальные ансамбли, хоровые

опусы (всего около 90 произведений). Его музыка звучала в Петербурге, Полтаве, Тифлисе, Харькове – в авторских концертах и на заседаниях Русского музыкального общества. Л. Лисовский выступал как пианист-солист и ансамблист [8; 10; 11].

Нельзя не отметить и его активную педагогическую деятельность. Выпускник Петербургской консерватории (1891–1897, классы композиции Н. Ф. Соловьева и фортепиано Ф. Черни), он еще во время учебы давал частные уроки музыки. В дальнейшем преподавал в различных учебных заведениях Петербурга (1909–1913, Коммерческое училище императрицы Марии, Народная консерватория, музыкальные школы К. И. Даннемана и Н. М. Кривошеина и В. И. Боровской, коммерческая школа М. А. Шидловской), Полтавы (1899–1909, Институт благородных девиц, музыкальные классы Ф. И. Базилевича), Тифлиса (1913–1915, Музыкальная школа Л. Н. Пышнова и А. Я. Швейгера), Харькова (1914–1917, Музыкальные курсы А. Ф. Бенша и С. В. Никольской). На страницах музыкальной периодики опубликованы его методические и учебные материалы по теории музыки.

Достаточно активной была музыкально-просветительская деятельность Л. Лисовского. В частности, в Харькове он выступал с лекциями для слушателей инструкторских курсов Губвоенкома и для широкого круга любителей музыки и профессиональных музыкантов, в Центральном армейском и рабочем клубе «Грядущее».

Л. Лисовский был секретарем Всеукраинского музыкального комитета при Народном комиссариате образования, Музыкального общества имени Н. Леонтовича, впоследствии – Всеукраинского общества революционных музыкантов и других организаций (подробнее в работах М. Ржевской [16; 17; 18]). Л. Лисовский был известен и как писатель, музыковед и критик¹.

Обладая литературным талантом, имея филологическое образование (в 1897 году окончил историко-филологический факультет Харьковского университета), он оставил огромное литературное наследие. Л. Лисовский – автор статей о творчестве украинских, русских и зарубежных композиторов, многочисленных рецен-

зий на концерты, отзывов о ярких музыкальных событиях. Особую ценность представляют его мемуары.

Богатое и разнообразное творческое наследие Л. Лисовского не исследовано, о нем не создано ни одной монографии. Большинство его музыкальных и литературных произведений до сих пор не изданы и не известны музыковедам и слушателям. Они хранятся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского (НБУВ). В архиве Л. Лисовского (фонд 1, 39470–40895) – 1425 единиц хранения: музыкальные и литературные произведения, эпистолярный (почти 700 писем), рецензии; автобиографии и списки музыкальных произведений, многочисленные личные документы разных лет (более сотни). Особый интерес представляет литературное наследие Л. Лисовского, в частности его многочисленные дневники, рассмотрению которых посвящена эта статья.

Цель статьи – охарактеризовать дневники Леонида Лисовского как документ сложной эпохи в истории русской и украинской музыки конца XIX – первой трети XX веков.

Задачи исследования: по материалам дневников Л. Лисовского раскрыть проблематику его «биографического сценария» (термин Н. Савицкой) проследить «сезоны жизненного цикла» (Н. Савицкая); на основе архивных материалов выявить особенные черты характера композитора, раскрыть значение его дневников как документов эпохи.

Основная часть

В последнее время заметно возросло внимание музыковедов к творчеству Л. Лисовского. Майя Ржевская, анализируя социокультурные процессы в Украине первой трети XX века, обращается к архиву Л. Лисовского, материалы которого освещают описанные события. В частности, речь идет о документах, «уличающих» его в так называемых церковщине и формализме. Автор реконструировала биографию композитора, более подробно рассмотрела харьковский период его жизни и творчества [16–18]. Полтавский период жизнетворчества Л. Лисовского исследует Алла Литвиненко на материале его дневников, она рассматривает личность художника в контексте культурно-художественной и гастрольной жизни Полтавщины, изучает историю местных театров, анализирует музыкальные кален-

¹ Критические статьи, обзорные материалы, краткие заметки Л. Лисовского печатались в периодических изданиях: «Петербургские...», «Полтавские...» и «Харьковские губернские ведомости», «Южный край», «Петербургский листок».

дари Артура Соломоновича Габриловича, в которых, собственно, и осуществлял свои многочисленные записи Леонид Лисовский на протяжении более 15 лет [10–12]. Светлана Колтышева на основании трех автобиографий Л. Лисовского излагает биографические факты, дает краткий обзор его разносторонней деятельности, характеризует его музыкальное наследие, в частности в камерно-вокальном жанре [8].

Многочисленные литературные сочинения Л. Лисовского практически не исследованы. Со времени создания фонда композитора (предположительно 1940-е годы) музыковеды обращались только к некоторым рукописям: в формуляре отмечены две фамилии – М. Ржевская и А. Литвиненко.

Прежде чем характеризовать дневники Л. Лисовского, обратимся к специальным работам, посвященным этому жанру, а именно: к монографиям Лидии Гинзбург (1977) [4] и Михаила Михеева (2006) [14], к исследованиям Ирины Савкиной (2007) [20] и Олега Егорова (2011) [6], статьям Аллы Латыниной (2008) [9], Анны Зализняк (2010) [7], Елены Богдановой (2008) [2], Ольги Матвеевой (2010) [13], к сборнику статей Бориса Дубина (2001) [5]. Эти авторы исследуют преимущественно дневники писателей и философов либо дневники, написанные женщинами (И. Савкина [20]). Рассматривая жанровую и языковую специфику дневников, «вербальную самоидентификацию личности» (М. Лаппо), исследователи не только выявляют личностные особенности автора, но и освещают исторический контекст описанных событий. Статья Светланы Петуховой (2019) [15] – это практически единственное исследование, в котором раскрыты жанровые и стилистические особенности дневников, принадлежащих композиторам: Р. Шуману, Ф. Шуберту, С. Прокофьеву и др. Рассматривая их записи, исследователь приходит к заключению: «Дневники, которые принципиально не содержат фактологических сведений, а хранят лишь умозаключения и отголоски эмоциональной жизни автора, востребованы музыковедами в значительно меньшей степени (чем автобиографии и мемуары – А. Д.)» [20, с. 162]. Как образец фактологической точности и эмоционального равновесия, дневники Л. Лисовского являются важнейшим документом своей эпохи: ежедневные записи композитора на протяжении многих лет воссоздают максимально полную картину биографии композитора и ее реального контекста.

Дневник как форма самопознания представляет собой важнейший документ для понимания его автора. Дневники Л. Лисовского отражают творческие планы и историю их реализации, особенности мышления композитора, черты его характера, своеобразие его художественного стиля. Они дают возможность проследить творческий путь, охарактеризовать личность художника, его окружение, убеждения, диахронию и динамику ее развития.

Марк Блок в «Апологии истории» отмечает, что история – это «наука о людях ... о людях во времени» [1, с. 19], обязывающая исследователя к «историческому наблюдению», к анализу места человека, художника в данном историческом отрезке. Дневник, как «текст о текущем моменте» (А. Зализняк), дает возможность составить наиболее полную картину жизни и творчества не только известных деятелей искусства, но и тех, чьи достижения по разным причинам до сих пор не стали предметом непосредственно научного исследования.

Алексей Валецкий акцентирует: биографическая реконструкция – это «процесс получения достоверного знания об истории существования индивидуальности персонажа» [3, с. 88]. Дневники Л. Лисовского и являются этим знанием, «свидетельством» (М. Блок), подтверждающим факты и дающим возможность осуществить реконструкцию жизни и творчества композитора.

Леонид Лисовский оставил 53 дневника и записных книг – это зеркало его жизни: счастливой, а временами нестерпимо сложной. «Музыкальный календарь в коленкоровом переплете» (1896), «История моего сочинительства» (1896), «Еда и времяпровождение. Записки дневникового характера» (1900), большой дневник в шести тетрадах и нескольких редакциях «10 лет в Полтаве» (1900–1910), «Дневник с июля 1920» (1920–1921), «Интимный дневник» (1933) и другие – верные спутники композитора на протяжении всей жизни, начиная с 1884 года (7–8 класса гимназии) и до последних дней. Дневники Л. Лисовского (почти шесть тысяч страниц) позволяют выявить особенности его характера. Отметим наиболее важные.

1. Постоянство, как превалирующая черта характера композитора, проявилось в регулярности записей, выборе чернил, ровности почерка, аккуратности заполнения, точной датировке с указанием даже дня недели. Анализируя жанр автобиографии, С. Петухова отмечает ряд качеств, главное из которых – «приближенность изложения к деловому

письму» [15, с. 157]. Далее автор акцентирует, что подобный стиль присущ и жанру дневника, однако «эта традиционная структура выдержана далеко не каждым автором» [15, с. 158]. Дневники Л. Лисовского создавались на протяжении 50 лет. Начиная писать в тетрадях, композитор пользовался, с 1895 года, «Музыкальными календарями» Артура Габриловича, которые издавались практически во всех крупных городах Российской империи и были пригодны не только для записей, но и выполняли функцию справочника. Это были годовой календарь, сравнительная таблица валютных курсов, правила почтовой пересылки, адреса и телефоны ведущих музыкантов и преподавателей музыки по городам – они давали возможность быстро получить необходимую информацию (подробно о календарях А. Габриловича пишет А. Литвиненко [12]). Ввиду карманного формата календаря-записной книжки и четкой датировки (на каждой странице – четыре дня), Л. Лисовский, описывая происходящие события, использовал точный стиль делового письма вместо развернутого изложения в обычной тетради.

Отмеченные в статье С. Петуховой «лапидарность конструкций, соблюдение хронологии в передаче событий и фактов» [9, с. 157], характерные для композиторов конца XIX и XX вв., были присущи и Л. Лисовскому: поначалу вследствие постоянной занятости, а после 1916 года и в связи с элементарным отсутствием керосина для освещения комнаты. Тем не менее, ежедневные записи, под конец жизни ограничивающиеся порой несколькими предложениями кривым почерком и тупым карандашом, нередко на оборванных страницах, были неотъемлемой частью жизни Л. Лисовского.

2. Критическое отношение к себе. М. Михеев, анализируя дневники представителей разных профессий, резюмирует: среди множества «дневниковых текстов» к «ранним» относятся единицы (например, дневники М. Булгакова, Л. Толстого), остальные написаны авторами в возрасте 20–30-ти лет [14]. Наиболее популярны мемуары художников зрелого пери-

ода. Ранние дневники Л. Лисовского, датированные 1884 годом, стали своеобразным продолжением регулярной переписки с его благодетелем Эмилием Фердинандовичем Ранхнером, длившейся около десяти лет¹. В этих письмах Л. Лисовский, будучи еще ребенком, описывает свое понимание музыки, стремление к искусству. В возрасте 18 лет юноша в своем первом дневнике немало страниц посвящает занятиям музыкой. «Странно: у меня все время вертится в голове музыка, а между тем я играю не с таким усердием, как вначале. Я это приписываю не тому, чтобы я мог устать, а тому, что я не двигаюсь ни взад, ни вперед, все на одном месте, т.к. вперед без преподавателя очень трудно идти», – писал Л. Лисовский 27 Марта 1884 года². Осознанная самокритика проходит лейтмотивом сквозь все дневники и записные книжки композитора. Это неудовлетворенность качеством своих произведений и временем, проведенным за их созданием; результатами редактирования; качеством современного образования; собственным таймменеджментом, они характеризуют личность Леонида Лисовского как требовательного, строгого к себе, и в то же время – чувствительного человека.

В дневниках Л. Лисовского, ежедневно на протяжении полувека полнившихся описанием и осмыслением разных событий, отражены изменения в пространственно-временных и ценностно-смысловых ориентирах социо-культурного бытия. Речь идет и о правилах правописания³. Исключение из алфавита «ять», «ерь», «и десятеричного» – «і», фит и др. облегчало чтение текста. Но, начиная со второй половины 1920-х годов, постепенно усложнялись условия жизни, о чем и писал Л. Лисовский в дневниках теми самыми «облегченными» буквами. Он с энтузиазмом воспринял новации. Как отмечает Арсений Замостьянов, «привычная орфография стала символом старого мира – архаичного, нежизнеспособного, крепко связанного с церковной традицией»⁴. На страницах дневников Л. Лисовского на смену «старого мира» пришел новый, сопровождаемый творческими неудачами, невыносимо трудными условиями выживания,

¹ Лисовский Л. Л. Письма Э. Ф. Ранхнеру. 1876–1885 гг. // НБУВ. Институт Рукописи. Ф. I. Ед. хр. 40713–40727. – 28 с.

² Лисовский Л. Л. Дневник (который я вел, будучи в 7 и 8 классе гимназии). 1884 г. // НБУВ. Институт Рукописи. Ф. I. Ед. хр. 39665. – С. 32.

³ Декрет о введении нового правописания готовился еще с 1904 г. Но обязательным к исполнению стал с 01 января 1918 года, после подписания Народным комиссаром просвещения А. В. Луначарским 23 декабря 1917 г. (по старому стилю).

⁴ Замостьянов А. А. Пиши пропало. Сто лет русской орфографии. URL: <https://godliterary.ru/articles/2018/01/15/pishi-propalo-sto-let-reforme-russkoy-o> (дата обращения: 10.10.2021).

голодом и болезнями – тихой кульминацией жизни и творчества композитора. Такое завершение творческой биографии А. Соколов называет «прерванной эволюцией», характеризуя ее как «особенность ритма культуры XX столетия и личную судьбу многих художников» [21, с. 4]. Невозможность воплотить свои творческие планы, необходимость подчиняться идеологическим догмам, угроза репрессивных акций стали трагедией для большинства представителей украинской культуры в первой трети XX века. Возможно, именно поэтому исследователи жизненного и творческого пути Л. Лисовского чаще обращаются к благоприятному периоду его жизни, охватывающему 1890-е (консерваторские) годы до 1914 г. (окончательный переезд в Харьков).

В дневниках петербургского периода (1891–1899) описаны страсти, бушующие в душе молодого художника: радость вследствие изданных произведений; сомнения по поводу жанровых предпочтений; переживания из-за нестабильности работы и заработка. Описаны и охарактеризованы в дневнике коллеги и друзья Л. Лисовского – «визиты и визитеры», как в записи от 28 марта 1898 года: «День порядочного отдыха. Вечер провели у Черепниных. Вот человек, неумоимости которого и легкости письма (благозвучного и интересного) я положительно удивляюсь и готов ему завидовать, как Сальери Моцарту»¹.

Не далее чем через два года, в этот же счастливый двадцатилетний период, был создан дневник из десяти тетрадей «10 лет в Полтаве». На его страницах оживают культурные «происшествия» (М. Михеев) в г. Полтаве, которая, согласно исследованиям А. Литвиненко, переживала в этот период кульминацию развития культурного и, в частности, музыкального. Описание и характеристика симфонических собраний ИРМО, благотворительных вечеров, театральных спектаклей, гастрольных концертов, а также общений с коллегами и друзьями составляют 90% содержания дневников этого периода. Сборник «10 лет в Полтаве» является единственным у Л. Лисовского «пред-текстом» (М. Михеев), «к которому автор

еще предполагает вернуться, чтобы его переписать или дополнить» [14, с. 88]. Так, в 1933 году композитор в письме к дочери Наталье² говорит, что днями сидит «наклонившись к стулу» и пишет «полтавские воспоминания», ссылаясь на поступившее предложение напечатать эти дневники. И следом обещает: если «все это дело закончится и напечатается, обязательно пришлю вам»³. Однако полтавские тетради так и не были изданы, а остальные дневники автор изначально записывал «под ключ», не рассчитывая на их редактирование и издание.

Исследуя дневники более позднего периода, замечаем, что жизнь композитора делится на «до» и «после», а водоразделом стала поездка в Тифлис, после возвращения из которой в 1914 г. в жизни Л. Лисовского начался сложный период: предреволюционные события, «война и революция, когда издательства пошли падать»⁴, а далее – безработица, безденежье, нищета, болезни, голод. Сравнивая мемуары Л. Лисовского разных этапов его жизни и творчества, например, полтавского (1899–1909) и харьковского (после 1920), замечаем постепенное угасание его жизненных сил и творческих интересов: измученный судьбой, униженный, но все еще надеющийся на праздник «на своей улице», композитор постепенно перестал писать о музыкальной жизни, литературных интересах, друзьях, все больше сосредотачиваясь на бытовых вопросах, своей незащищенности перед ударами судьбы, беспомощности. Отсутствие постоянного жилья, болезни, инвалидность и, как следствие, бессилие перед тяготами жизни стали лейтмотивом дневниковых записей последнего десятилетия.

О своих творческих планах, новых сочинениях композитор много пишет в дневниках до 1920-х годов, далее об этом все меньше, и, наконец, композитор вынужден только переписывать нотные тексты и то при наличии бумаги. На протяжении последних двадцати лет (1915–1934) Л. Лисовский постепенно утратил практически все (от материальных благ до надежд на стабильность и защищенность в профессии),

¹ Лисовский Л. А. Дневник 1898 г. // НБУВ. Институт Рукописи. Ф. I. Ед. хр. 39656. – С. 61.

² Дочь Л. Лисовского, балерина Наталья Томпсон, проживала в Петербурге и работала в Мариинском театре.

³ Лисовский Л. Письмо Н. А. Лисовской. осень 1933 г. // НБУВ. Институт Рукописи. Ф. I. Ед. хр. 40216. Л. 2.

⁴ Лисовский Л. Письмо Н. А. Лисовской. осень 1933 г. // НБУВ. Институт Рукописи. Ф. I. Ед. хр. 40216. Л. 2. «Падение» издательств, серьезные трудности с нотоиздательством отмечают в письмах к Л. А. Лисовскому и А. Ф. Федоров и П. И. Юргенсон.

а начиная с 1920 года, каждый день в его дневниках отмечен вопросом: когда же настанет конец?¹

Наталья Савицкая, исследуя возрастные аспекты композиторской жизнедеятельности, выделяет проблему биографистики (личности композитора как феномена), «динамики возрастного сознания», на основании чего вводит в научный обиход дефиниции «юность старости» («патриархи», ставшие «воплощением трансцендентного долголетия», колоссальной внутренней силы, интеллектуальной активности») и «старость юности» (художники, «которые, не исчерпавши природный биологический ресурс, неожиданно рано ушли из жизни») [19]. Согласно этим возрастным этапам в жизни творческих деятелей, судьба Л. Лисовского – пример индивидуального хронотопа, который не вписывается ни в один из перечисленных типов возрастных фаз: прожив 68 лет, он умер «в свое время», не имея предсмертных опусов, т.к. свой «последний жизненный порог» встретил в больнице, без элементарного заработка и каких-либо творческих интенций.

Изменение социально-экономической ситуации особенно негативно сказалось на жизни и творчестве композиторов. Ухудшение финансового положения, бытовых условий усугублялось трудностями в профессиональной сфере, в частности в нотоиздательстве. В одном из писем к Л. Лисовскому издатель Александр Федоров сетовал на появившиеся сложности: «Приходится с издательством ждать лучших времен, тем более что работа в настоящее время страшно вздорожала, а с бумагой настает настоящий голод»².

Младший брат Леонида Лисовского – Александр³, имеющий не меньший литературный талант, характе-

ризуя своего брата, отмечает его стойкость в любых обстоятельствах: «... я слышу, как мой брат, перетерпев “судеб удары”, вечно нуждаясь в копейках, ведя жизнь полную лишений, приводит в восторг своих учителей, приглашающих старшие курсы слушать его сочинения и старающихся пройти с ним два курса в один год, чтобы не морить его таланта <...> У него есть то, чего мне не достает: презрение к мелочным утехам жизни и глубокая вера в достижения твердо и ясно намеченной цели – он ее достигнет и будет славен, а я ничего не достигну и погибну в полной неизвестности...»⁴. К сожалению, несмотря на веру Александра в успех, заслуженную славу и признание творчества брата-композитора, достижения Леонида Лисовского до сих пор не оценены по достоинству.

Выводы

Ценность дневников Л. Лисовского очень высока. Будучи очевидцем и непосредственным участником многочисленных событий в нескольких культурных центрах, он задокументировал и прокомментировал их. Исследуя дневники композитора, прикасаемся к малоизвестным страницам художественной жизни в Петербурге, Полтаве, Тифлисе, Харькове. В его воспоминаниях с предельной точностью запечатлена атмосфера того времени, отражены индивидуальность автора, его восприятие окружающего мира и человеческой жизни, тонкий юмор и писательская одаренность.

Дневники Леонида Лисовского «воскресают жизнь» (А. Валицкий) не только его самого, но и представителей культурного пласта первой трети XX века – всех, покоящихся в нем и незаслуженно забытых.

Ставшие верными спутниками Л. Лисовского и запечатлевшие его жизненный путь, творческие

¹ Композитор описывает сложные бытовые условия: голод, холод; страх за жилье, из которого могут выселить; отсутствие воды (как следствие – инфекционное заболевание ноги, которое и привело к смерти) и даже санузда; бесконечные походы в поисках денег в Наркомпрос, Музком, Кино (где подрабатывал тапером): «С утра без чаю из дому. Не получив денег нигде из четырех пунктов, пошел на базар с книгой и бумагой акварельной, но ничего не продал. Повесив нос, пошел в 4 ч. в советскую столовую, где вскоре и пообедал дрянью. Зайдя домой сложить набранное и украденное (!..) топливо, пошел на урок в Клуб молодежи и оттуда в кино, где горячился из-за исчезнувшего хлеба (Воскресного) и пайка» [Лисовский Л. Л. Дневник с июля 1920 г. // НБУВ. Институт Рукописи. Ф. I. Ед. хр. 39628. Л. 5]. К примеру, сравним: получив 24 августа 1920 года аванс 2470 р., при отсутствии пайка, как пишет Л. Лисовский, «разорился на 1 фунт хлеба за 450 р.» (а это всего лишь 450 грамм!) [там же, л. 46]. Доживая в полной нищете последние два десятилетия своей жизни, не имея возможности сочинять и публиковать ранее созданные произведения, игнорируемый инстанциями, курирующими издательский процесс, Л. Лисовский исчез из истории музыки.

² Федоров А. Письмо к Л. Лисовскому от 21.02.1916 г. // НБУВ. Институт Рукописи. Ф. I. Ед. сб. 40509. – С. 1.

³ Умер от чахотки в 1900 г.

⁴ Лисовский А. Л. Письма Лисовским Вере и Леониду и др. с 1894 по 1895 гг. // НБУВ. Институт Рукописи. Ф. I. Ед. хр. 40602: в 8 тетр. Тетр. 3. – С. 259–260.

планы, культурные события его времени, 53 дневника представляют большую ценность для современного исследователя. Описание на страницах дневников композитора культурных тенденций, социально-экономических реалий помогает восстановить забытые факты, реконструировать биографии культурных деятелей, уяснить причины и ход событий. Л. Лисовский, воссоздавая в дневниках социокультурную картину своего времени, отразил и свое внутреннее «я», представ перед исследователями и читателями талантливым творцом, трудолюбивым художником, сострадающим и отзывчивым человеком. Восхищает его стойкость в разные периоды жизни: даже в последние годы (1933–1934) Л. Лисовский продолжает планировать, мечтает о переезде, о воссоединении семьи и создании семейного музыкального коллектива. Таким образом,

не состоявшийся, редуцированный поздний период композитора запечатлен лишь на страницах эпистолярия и дневников. Скрупулезность, внимательность к событиям и аккуратность в их описании, при этом презрение к мелочности и внешним благам создают максимально положительный портрет скромного, интеллигентного человека, вдохновенного художника.

Творчество Леонида Лисовского, незаслуженно отнесенное во «второй эшелон», таит огромный потенциал, привлекая внимание исследований к этому богатому наследию: многочисленным дневникам, эпистолярию, музыкальным произведениям, музыкально-критическим работам. Возвращение творчества забытых деятелей культуры в научный контекст позволит реконструировать не одну страницу в истории музыкального искусства.

Список литературы

1. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – Москва: Наука, 1973. – 273 с.
2. Богданова Е. В. Языковые особенности жанра дневника. – Тамбов: Грамота, – № 1 (1): в 2 ч. – Ч. I. 2008. – С. 28–33.
3. Валевский О. Л. Основания биографики. – Киев: Наук. Думка, 1993. – 110 с.
4. Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. – Ленинград: Худ. лит., 1977. – 449 с.
5. Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (о формах интеграции опыта в письменной культуре) // Лица: биогр. альманах. Санкт-Петербург: ATHENEUM; – Москва: Феникс, 1995. – С. 7–31.
6. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века: исследование. – Москва: Флинта, Наука, 2011. – 400 с.
7. Зализняк А. А. Дневник: к определению жанра // Новое литературное обозрение, – № 106. 2010. – С. 162–180.
8. Колтишева С. О. Забуті сторінки історії. Постать Л. Лисовського у контексті музичної культури // Науковий вісник Національної музичної академії України імені П. І. Чайковського. Вип. – 74: Естетика і практика мистецької освіти: зб. ст. – Львів: Сполом, 2008. – С. 236–245.
9. Латынина А. Н. «Достичь абсолюта...»: дневники Андрея Тарковского // Новый мир, – № 8. 2008. – С. 157–164.
10. Литвиненко А. И. Леонид Лисовский – лабиринтами профессиональной судьбы (полтавский период жизни и творчества композитора) // Virtus. Scientific Journal / Editor-in-Chief M. A. Zhurba. – Issue: 17. 2017. – Р. 26–29.
11. Литвиненко А. И. Этапами творческой биографии Леонида Лисовского (Петербург – Тифлис – Харьков) // Virtus. Scientific Journal / Editor-in-Chief M. A. Zhurba. – Issue 27. 2018. – Р. 38–21.
12. Литвиненко А. І. «Музыкальный календарь» А. Габриловича як культурне явище і цінне джерело інформації // Студії мистецтвознавчі. – Київ: ІМФЕ ім. М. Т. Рильського НАН України, – № 4 (28). 2009. – С. 124–129.
13. Матвеева О. О. Жанрова специфіка літературного щоденника // Літературознавчі обрії. Праці молодих учених / Ін-т літ. ім. Т. Г. Шевченка НАН України. – Київ. – Вип. 17. 2010. – С. 41–47.
14. Михеев М. Ю. Дневник как эго-текст (Россия, XIX–XX). – Москва: Водолей Publishers, 2007. – 264 с.
15. Петухова С. А. Автобиографии, дневники, мемуары музыкантов: попытка классификации и проблемы использования в научных текстах // Музыкальная академия. – Вып. 4 (768). 2019. – С. 156–169.
16. Ржевська М. Ю. Леонід Лисовський: сторінки біографії композитора // Музична україністика. Сучасний вимір. – Київ, 2010. – Вип. 5.
17. Ржевська М. Ю. Леонід Лисовський: харківські сторінки біографії // Проблеми взаємодії мистецтва, педагогіки та теорії і практики освіти / Харківського держ. ун-ту мистецтв ім. І. П. Котляревського. – Харків, – Вип. 24. 2009. – С. 41–49.

18. Ржевська М. Ю. На зламі часів. Музика Наддніпрянської України першої третини XX століття у соціокультурному контексті епохи. – Київ: Автограф, 2005. – 352 с.
19. Савицька Н. В. Хронос композиторської життєтворчості. – Львів: Сполом, 2008. – 312 с.
20. Савкина И. А. Разговоры с зеркалом и Зазеркальем. Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. – Москва: НЛО, 2007. – 416 с.
21. Соколов А. С. Какова же она – «форма» музыкального XX века? // Музыкальная академия, – № 3–4. 1998. – С. 2–8.

Информация об авторе

Дробыш Анна Андреевна, аспирант кафедры истории украинской музыки и музыкальной фольклористики Национальной музыкальной академии Украины имени П. И. Чайковского, г. Киев, Украина.

Адрес: 01001, Украина, Киев, ул. Архитектора Городецкого 1–3/11

E-mail: Annesmile518@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8276-7712

A. A. DROBYSH ¹

¹ *P. I. Tchaikovsky National Music Academy of Ukraine, Kiev, Ukraine*

LEONID LISOVSKY'S DIARIES AS A DOCUMENT OF THE ERA

Abstract

Purpose: To consider the diaries of Leonid Lisovsky as a document of music history of the end of XIX – first third of XX centuries.

Methods: The research used scientific methods: cultural-historical – to consider the life of L. L. Lisovsky; comparative-typological and biographical – in the work of diaries as a document of the era; structural – to characterize the archive of the composer.

Results: The diaries of the Russian and Ukrainian composer Leonid Lisovsky were considered, on their material the main directions of the composer's activity were characterized, the previously unknown facts of his biography were revealed, the features of his character, in particular the constancy and critical attitude to himself; the composer's attitude to the spelling reforming were determined. Particular attention is paid to the author's description in his memoirs of the socio-economic situation that had an impact not only on the external circumstances of his life, but also on the moral and psychological state. The previously unknown facts are noted, the details of some historical events are clarified. The author emphasizes the importance of his diaries for research into the history of musical culture and individual lives of artists, as well as the topicality and novelty of L. Lisovsky's diaries as a period document. It is suggested to reconstruct the composer's biography on their materials.

Novelty: Leonid Lisovsky's diaries were introduced into the scientific context as a document of the era.

Practical significance: the provisions and conclusions of the article should be used in musicology works of biographical and historical character as well as in educational courses on the history of music.

Keywords: diary, literary work of L. Lisovsky, musical culture of the first third of the 20th century.

References:

1. Blok M. Apologija istorii ili remeslo istorika. (The Apology of History or the Craft of the Historian). – Moskva: Nauka, 1973. – 273 p. [in Russian].

2. Bogdanova E. V. Jazykovye osobennosti zhanra dnevnika. (Linguistic features of the diary genre). Tambov: gramota, – No. 1 (1): in 2. – Ch. I. 2008. – P. 28–33. URL: <https://www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/9.html>. [in Russian].
3. Valevskij O. L. Osnovaniya biografiki. (The Basis of the Biography). – Kiev: Nauk. Dumka, 1993. – 110 p. [in Russian].
4. Ginzburg L. O psichologicheskoy proze. (On psychological prose). – Leningrad: Hud.literatura, 1977. – 449 p. [in Russian].
5. Dubin B. V. Biografija, reputacija, anketa (o formah integracii opyta v pis'mennoj kul'ture). (Biography, Reputation, Questionnaire (on forms of experience integration in written culture)) // Lica: biogr. al'manah. – Sankt-Peterburg: ATHENEUM; – Moskva: Feniks, 1995. – P. 7–31. [in Russian].
6. Egorov O. Dnevniky russkikh pisatelej XIX veka: issledovanie. (Diaries of Russian Writers of the 19th Century: A Study). – Moskva: Flinta, Nauka, 2011. – 400 p. [in Russian].
7. Zaliznjak A. Dnevnik: k opredeleniju zhanra. (Diary: Toward a definition of the genre). Novoe literaturnoe obozrenie, – No. 106. 2010. – P. 162–180. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/6/dnevnik-k-opredeleniyu-zhanra.html/> [in Russian].
8. Koltysheva S. Zabuti storinky istorii. Postat L. Lisovskoho u konteksti muzychnoi kultury. (Forgotten pages of history. The figure of L. Lisovsky in the context of musical culture). Naukovyi visnyk Natsionalnoi muzychnoi akademii Ukrainy imeni P. I. Chaikovskoho. Issue 74: Estetyka i praktyka mystetskoi osvity. – Kyiv, – P. 236–244. [in Ukrainian].
9. Latynina A. "Dostich' absolyuta...": dnevniki Andreja Tarkovskogo. ("To Reach the Absolute...": Diaries of Andrei Tarkovsky) // Novyj mir, – No. 8. 2008. – P. 157–164. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2008/8/dostich-absolyuta-8230.html/ [in Russian].
10. Litvinenko A. I. Leonid Lisovskij – labirintami professional'noj sud'by (poltavskij period zhizni i tvorchestva kompozitora). (Leonid Lisovsky – the labyrinths of professional destiny (Poltava period of life and work of the composer)) // Virtus. Scientific Journal / Editor-in-Chief M. A. Zhurba. 2017. – Issue 17. – P. 26–29. [in Russian].
11. Litvinenko A. I. Jetapami tvorcheskoy biografii Leonida Lisovskogo (Peterburg – Tiflis – Har'kov). (Stages in the creative biography of Leonid Lisovsky (St. Petersburg – Tiflis – Kharkov)) // Virtus. Scientific Journal / Editor-in-Chief M. A. Zhurba. – Issue 27. 2018. – P. 38–21. [in Russian].
12. Lytvynenko A. I. "Музыкальний календар" А. Габриловича як культурне явище і тсінне джерело інформації (A. Gabrilovich's "Musical Calendar" as a cultural phenomenon and a valuable source of information) // Studii mystetstvoznachchi. – Kyiv: instytut muzykoznavstva, folklorystyky ta etnologii imeni M. T. Ryl'skoho. NAN Ukrainy, – No. 4(28). 2009. – P. 124–129. [in Ukrainian].
13. Matvieieva O. O. Zhanrova spetsyfika literaturnoho shchodennyka. (Genre specifics of a literary diary) // Literaturoznachchi obrii. Pratsi molodykh uchenykh / Instytut literatury imeni T. H. Shevchenka NAN Ukrainy NAN Ukrainy. – Kyiv, – Issue 7. 2010. – P. 41–47. [in Ukrainian].
14. Miheev M. Dnevnik kak jego-tekst (Rossija, XIX–XX). (The Diary as an Ego-text (Russia, XIX–XX)). – Moskva: Vodoley Publishers, 2007. – 264 p. [in Russian].
15. Petuhova S. Avtobiografii, dnevniki, memuary muzykantov: popytka klassifikacii i problemy ispol'zovaniya v nauchnykh tekstakh [Autobiographies, diaries, and memoirs of musicians: an attempt at classification and problems of use in scholarly texts]. Muzykal'naja akademija, – (768). – No. 4. 2019. – P. 156–169. [in Russian].
16. Rzhavska M. Yu. Leonid Lisovskiy: storinky biohrafii kompozytora. (Leonid Lisovsky: pages of the composer's biography) // Muzychna ukrainistyka. Suchasnyi vymir. – Kyiv, – Issue 5. 2010. [in Ukrainian].
17. Rzhavska M. Yu. Leonid Lisovskiy: kharkivski storinky biohrafii [Leonid Lisovsky: Kharkiv pages of biography] // Problemy vzaємодії mystetstva, pedahohiky ta teorii i praktyky osvity / Kharkivskoho derzhavnoho unistytutu mystetstv imeni I. P. Kotliarevskoho. – Kharkiv, – Issue 24. 2009. – P. 41–49. [in Ukrainian].
18. Rzhavska M. Yu. Na zlami chasiv. Muzyka Naddnyprianskoi Ukrainy pershoi tretyny XX stolittia u sotsiokulturnomu konteksti epokhy. (At the turn of the century. Music of Dnieper Ukraine in the first third of the twentieth century in the socio-cultural context of the era). – Kyiv: Avtohrاف, 2005. – 352 p. [in Ukrainian].

19. Savytska N. V. Khronos kompozytorskoi zhyttietvorchosti. (Chronos of composer's life). – Lviv: Spolom, 2008. – 312 p. [in Ukrainian].
20. Savkina I. Razgovory s zerkalom i Zazerkal'em: Avtodokumental'nye zhenskie teksty v russkoj literature pervoj poloviny XIX veka. (Conversations with the Mirror and the Looking-Glass. Autodocumentary Women's Texts in Russian Literature of the First Half of the 19th Century). – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007. – 416 p. [in Russian].
21. Sokolov A. S. Kakova zhe ona – «forma» muzykal'nogo XX veka? (What is the "form" of twentieth-century music?) // Muzykal'naja akademija, – No. 3–4. 1998. – P. 2–8. [in Russian].

Information about the authors

Anna Andreevna Drobush, postgraduate at the Department of Ukrainian Music History and musical folklore in the Ukrainian National Tchaikovsky Academy of Music

Adress: 01001, Ukraine, Kyiv, st. Architect Gorodetsky 1–3/11

E-mail: Annesmile518@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8276-7712

I. V. SHESTERENKO ¹,L. A. SHYLENKO ²,¹ P. I. Tchaikovsky National Music Academy of Ukraine, Kyiv, Ukraine² Sumy State A. S. Makarenko Pedagogical University, Sumy, Ukraine

VITALIY KYREYKO'S BODY OF WORK IN OPERAS AND BALLETS: GENRE AND STYLE CHARACTERISTICS

Abstract

Objective: to research Vitaliy Kyreyko's opuses for musical theatre in the context of national Ukrainian culture, to examine their genre and style characteristics.

Methods: comparative historical (comparison), source criticism, logical and analytical, system-structural (systematic approach), empirical and theoretical (observation, analysis and modeling).

Results: basing on the V. Kyreyko's operas and ballets composer's style was considered in the terms of genre characteristics of his five operas such as 'Forest Song', 'On Sunday Morning... (Turkynia)', 'Marco in Hell', 'Vernissage at the Fair' and 'Boyarynya', and four ballets – 'Shadows of Forgotten Ancestors', 'Witch', 'Orgy', 'Sun stone'. Have been studied their primary sources, that belong to the Ukrainian literature classics and it has been showed the relevance of his body of work.

Scientific novelty of the work is that V. Kyreyko's style was explored on the example of his opera and ballet opuses, examined their genre and style characteristics, determined the value of his works in Ukrainian classical history of music.

Practical significance: the main provisions and conclusions of this article can be used in the scientific and teaching activities in addressing issues of Ukrainian classical music and in the teaching courses like 'History of Ukrainian music', 'Ballet history', 'Opera dramaturgy', etc.

Keywords: Vitaliy Kyreyko, opera and ballet, Ukrainian classical music.

For citation: I. V. Shesterenko, L. A. Shylenko. Vitaliy Kyreyko's Body of Work in Operas and Ballets: Genre and Style Characteristics // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – C. 13–18. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-13-18>

The more time passes from the moment of departure to the historical dimension of the artist's life, the value of his creative heritage for future generations and importance of conveying the memories and events we witnessed increases.

The great person in the Ukrainian musical culture was Vitaliy Dmytrovych Kyreyko (1926–2016) – composer, social activist, musical critic and professor of P. I. Tchaikovsky Kyiv State Conservatoire (now National Musical Academy of Ukraine). His legacy includes 299 opuses, more than 30 critical and journalistic articles in both musicological and periodicals of Ukraine. Valuable work of the composer was a PhD dissertation on 'Arrangements

of Ukrainian folk songs for voice and piano accompaniment by Soviet composers', which is stored in the archives of Kyiv conservatoire since 1953. V. Kyreyko was a man of high intellectualism and encyclopedic knowledge in many fields, including history, Ukrainian and world literature, poetry and arts, mathematics and, of course, foreign languages: German, French, Italian, Czech, Polish, Spanish, English.

The composer's creative output includes five operas, four ballets, ten symphonies, symphonic poems, fantasies, six string quartets, concertos for violin, cello and the first in Ukraine Double concert for violin and cello with orchestra, two piano trios, quartet and quintet,

‘Symphony variations’, Poem and Fantasy for piano and orchestra; a huge piano legacy, including thirteen piano sonatas, cycles of variations and pieces; works for violin, cello, viola, all orchestral and folk instruments, as well as two cantatas, oratorio and more than 100 romances and choral works.

Currently the interest to Vitaliy Kyreyko’s music is growing, so we can talk about the relevance of his creations today.

The first opera ‘The forest song’ (op. 18, 1957), based on the eponymous fairy of Lesya Ukrainka, brought Vitaliy Kyreyko the glory of a famous composer. Artist was interested in the main plot’s conflict, which is the choice between everyday life and high poetic life, the inseparable connection of man with nature, that is the concept of higher harmony. Having written his own libretto, the composer followed the poetic text of Lesya Ukrainka. At the same time, the music not only illustrated the stage events, but also revealed inner feelings of the heroes by musical means, giving everyone vivid leitmotifs.

The first time the genre of ‘The forest song’ was determined by K. Mayburova as “lyric-philosophical drama” in her book “Vitaliy Kyreyko” in 1979¹. The composer himself determined the opera’s genre as opera-extravaganza² because it based on Lesya Ukrainka’s drama-extravaganza. We agree with the both determinations. The opera has lyric-philosophical lynx, that was brightly reflected in the melodic material of the opera and philosophical generalization of the plot. The same time opera has lynx of drama-extravaganza, especially shown in the fairy forest scenes.

In the first V. Kyreyko’s opera there were manifested the main composer’s style characteristics, such as bright melodic, based on the Ukrainian folklore, romantic musical language with original harmonies, specific orchestra timbres, that show characteristics and emotion sphere of his opera’s characters, development of dramaturgy of every scene.

The opera consists of three acts that include five scenes. It begins with a symphonic prologue, in which Lukash’s leitmotif appears in flute for the first time.

In the first act we see the meeting of the main heroes Lukash and Mavka and the beginning of their love story. Music of this part is based on the Ukrainian national song

motives and filled with poetic themes of the romantic main characters.

The second act reflects Mavka’s unsuccessful attempt to fit into the everyday Lukash’s life. But the boy, by listening to his mother, starts relationships with the widow Kylyna, forcing Mavka to return back to the forest. In this fragment the music is based on the rhythmic theme of Mother and the comic leitmotif of Kylyna. The intonations of Lukash’s flute are transformed from a dreamy spring song to a dance, and Mavka’s lyric motif turns into the dramatic one.

The third act opens with a sad fragment of a melody of main heroine, it is opposed to the Kylyna’s leitmotif, revealing the tragedy of Lukash, who could not accept routine everyday life. Mavka turns into a willow, and the leitmotif of love from the first act returns to the score.

After the fire in the house of Lukash and Kylyna, the man realizes the mistake he made and the responsibility for his betrayal. From such a hopeless state, Lukash was saved by Mavka’s voice: in her aria ‘Oh, do not grieve for the body’ she assures him that the end of existence in a physical body is only the beginning of the immortality of the soul. Emphasizing the emotional and dramatic components of the *drama extravaganza* with the music, which is based on the folk songs through the author’s style, composer delivers the idea of binding together the poetic dimension of nature and high feelings against the human world.

Weather seasons have the special role in Lesya Ukrainka’s drama. They emphasize the stages of the relationship between the main characters Mavka and Lukash.

By that, ‘The Forest Song’ became not only a huge personal artist’s accomplishment, but a notable work for the national musical Ukrainian culture. In his opera, V. Kyreyko managed to express the idea of belief in the triumph of bright ideals, as well as national character of music, that became the most typical features of all of the composer’s operas.

The next opera, written by V. Kyreyko in 1965 (op. 35), was also based on a mystical source: O. Kobylanska’s novella ‘**Early on Sunday...**’. Using genre of *romantic opera drama* composer wrote bright emotion sincere music of the opera. Librettist Mykola Zotsenko changed the plot of novella according to the opera genre requirements by reducing the number of episodes as well as their order and increasing the dynamics and tension in

¹ Mayburova K. V., Vitaliy Kyreyko. Creative portraits of Ukrainian composers. – Kyiv, 1979. – P. 19.

² From the private talk I. Shesterenko with V. Kyreyko on 25.08.2006

the scenes. As for the changes made by the composer, he created a ballet prologue in which the main heroine Mavra betrayed her husband, and left the open ending.

The opera consists of four acts and eight pictures. The musical piece begins with a chorus of gypsies in the meadow. They are waiting for Mavra to give birth to a child, who is not her husband's. V. Kyreyko uses intonations of Gypsy folklore samples to show the main characters in this act.

The second act shows lives of Mavra and her son Hryts twenty years later. With the help of romantic musical means of expression, composer shows the main characters: Hryts, who is engaged to young girl Nastka, and another girl Turkynia (Tetiana).

The third act is devoted to development of Nastka and her fiancé Hryts relationships. V. Kyreyko finds specific intonations for different leitmotifs for the main heroes.

The fourth act opens with a big choral scene of Hryts and Nastka's wedding. It was attended by a mad Tetiana, who tried to enchant Hryts to herself. After drinking her potion, Hryts died during his own first wedding dance with wife Nastka.

To express the mysticism of the events, composer found special musical language in orchestral palette. Big choral and dance scenes fully complement the love triangle plot. In depicting contrast scenes and feelings of the heroes, V. Kyreyko used a variety of structural and genre forms, such as arias, ariozos, songs, duets, trios, quartets, recitatives, lullabies, dances. The opera has distinct vocal parts of leitmotifs structure which are on folk (Ukrainian, Gypsy and Hungarian) folklore samples.

For the next *satiric opera extravaganza* genre (our genre definition) '**Marco in Hell**' (op. 36, 1966) Vitaliy Kyreyko wrote his own libretto based on the satirical play of the same name by Ivan Kocherga. The opera marked a turn in the creativity of V. Kyreyko in the grotesque and satirical direction. We see the changes in the musical language of the composer too: in the scenes of afterlife world appear Impressionist means of expression and complex harmonic sequences, that show satiric sides of the characters.

The mythological plot of Ivan Kocherga's play-extravaganza focuses on the legend about Marko in Hell, who, as an atonement for his sin, is forced to wander forever in the afterlife world. The play consists of five acts, the last two of which take place in hell. In the opera of V. Kyreyko, the plot is divided into three acts and six pictures. The events take place during the Civil War in the USSR, when the main character soldier of the Red Army Marco arrived to the fantastic station 'Confusion' to

search for stolen by fraudsters wagons with military property. Girl Marusya and orphan Hlamushka helped the soldier to look for the thieves. The plot unfolds through the adventures of typhus patient Mark in the bizarre false world of delusions at the stations 'Confusion' and 'Devil's Dead End', hell and the kingdom of the Queen of hell Lilith, who tried to enchant Mark. Eventually, her palace collapsed, Marco recovered and left the 'Confusion' station with his friends Marusya and Hlamushka. In the opera, Vitaliy Kyreyko depicted negative phenomena of society in a satirical and grotesque form.

Working on the original source of the opera libretto, composer made changes to the scenes, intensifying the action. He added the dance episodes, significantly reduced the number of characters. The specifics of the satirical-fiction genre influenced both the drama and language intonations of the characters in the opera 'Marco in Hell'. The basic musical tool for composer is a recitative that conveys ironic connotations. V. Kyreyko used choral scenes, but in the opera they didn't have an autonomous role, but rather emphasized the emotional impulse of the scenes.

Opera 'Marco in Hell' is marked by the freshness of harmonic and orchestral colours, original means of choral expression (choir is the protagonist of the opera, the participant in the action), bright portrait-like sketches of the heroes, professional opera implementation of the satirical plot of I. Kocherga's play.

In 1986 composer wrote the new opera '**Vernissage at the Fair**' (op. 124) in **chamber comic** genre (our genre definition) on libretto by Eduard and Nadia Yavorski, based on the satirical comic novel by Hryhorii Kvitka-Osnovyanenko 'The Soldier's Portrait'. With this work composer showed himself as an innovator of this musical theatre genre.

The novel by Hryhorii Kvitka-Osnovyanenko, dated 1833, was subtitled 'Latin white lies, told in our way', consisted of eleven separated little stories. By depicting the system of relations between different social classes, the author raised the philosophical question of the connection between art and human being in the satirical style of burlesque.

The chamber comic opera by V. Kyreyko consists of a prologue and two acts. Librettists saved a distinct linguistic specificity for the comedy genre with the emotional dialects of the countryside and common phraseology. In the leitmotif characteristics, composer Vitaliy Kyreyko used multinational folklore (Ukrainian, Gypsy, Polish

and Russian). As in the composer's previous operas, choral scenes remained the important part of genre episodes. The work made fun of human's ignorance and inability to read and recognize the true art.

Preserving the authenticity of the original source, the opera left rural vocabulary with dialectisms, and the composer reproduced them in musical recitatives close to human language.

In the last **historical opera-drama 'Boyarynya'** (our genre definition), based on the eponymous Lesya Ukrainka's drama the composer also showed two opposing realities, two main lines, drama contradictions. This is the world of free Cossacks life and brutal world of Russian oppression and occupation, which the main characters feel on themselves.

Lesya Ukrainka's drama, written in 1910, was banned in Soviet times. It tells about the tragic destiny of the Ukrainian boyarynya Oksana, who goes to Russia with her husband, who swore allegiance to the Moscow tsar. Unable to withstand separation from his native land and the despotism of foreign captivity, woman dies.

In the plot, Ukrainian girl Oksana, was forced to leave their native Ukraine and tolerate Moscow slavery. In the opera, V. Kyreyko conveys not only the poetic, but also the socio-political direction of Lesya Ukrainka's work. The opera, written in **2003** (op. 226, libretto by Vasyl Turkevich), despite the death of the main character Boyarynya-Oksana, in the finale affirms the idea of the need for further struggle for the independence. Presenting the historical context of the time after the death of Ukrainian ruler Bohdan Khmelnytsky, librettist V. Turkevych and composer V. Kyreyko opposed the world of the Ukrainian Cossacks to the brutal despotic Russian enslavement.

Reinforcing the original source with a musical score, V. Kyreyko paid special attention to the emotional experience of the characters and the disclosure of their psychological characteristics. Oksana's leading image is shown in active dramatic development: the first love aria is built on lyrical intonations, but with the development of the plot the vocal score is getting more dramatic.

The intonation layer of Ukrainian characters is conveyed through melodic motifs of Oksana and Stepan, the world of Russian boyars is built on dry recitatives. However, composer focused not only on the fate of Boyarynya, but also on the historical irreconcilability between the

two nations, in particular, depicting the conflict at the level of two languages, which are Ukrainian and Russian. The whole conflict of the opera was built in opposition of those two dimensions.

Through the prism of Oksana and Stepan's love drama, opera reflects the idea of the Ukrainian people's struggle for freedom and dignity, and despite the heroine's death in the end of the opera, the need for the Cossacks to further defend their independence.

V. Kyreyko's ballets are also an important contribution to the treasury of Ukrainian classical music. The most complex of them is the **romantic ballet 'Shadows of Forgotten Ancestors'** (op. 21, 1959) based on the Myhaylo Kotsyubynsky's novel by the same name. The genre of the ballet was determined the first time by Ukrainian musicologist M. Zahaykevych¹.

In the original story of M. Kotsyubynsky, written in 1911, poetic love and tragic death of the heroes were revealed in the context of depicting everyday life with distinct multi-genre traditions and rituals. V. Kyreyko was the first composer who embodied the plot of M. Kotsyubynsky in music (after there were created the romantic film of the same name by S. Paradzhanov with unforgettable music by M. Skoryk).

The ballet 'Shadows of Forgotten Ancestors' by V. Kyreyko has three acts (four in the old version), divided into eight pictures: the first act introduces the context of a family conflict between the Gutenyuk family, to which the girl Marichka belongs to, and the Palaychuk family, from which Ivan comes, and the friendship of a boy and a girl despite the enmity of their families. Marichka and Ivan later fall in love, but their relationship ended tragically with the death of a during the flood. The second and third acts are telling about Ivan's life after the death of Marichka, his departure to the mountains, returning and attempt to adapt to life he used to have before, which is hindered by longing for Marichka. Ivan's marriage to Palagna and household life did not help him to forget about the lost love, and he run away into the wood to look after the happy youthful memories, but the man fell into a precipice and died.

Dramatic contrast in the ballet draws two lines: the sublime pure love of Marichka and Ivan and the empty passion of Palagna and Molnar. Much attention is paid to huge genre scenes, such as wedding, men's dances in the meadow and the dramatic final episode of farewell

¹ Zahaykevych M. The artist and his time // Culture and life, – Kyiv, 1997. – 05.02. (in Ukrainian).

to Ivan. While creating the musical interpretation of the story, composer built the score on folk intonations of the region and ritual music, reading them through his own author's style.

Composer revealed a romantic vision of the tragic and, at the same time, bright feeling of the heroes, which becomes a symbol of the greatness of the human spirit.

The ballet was successfully staged in 1961 in the Kyiv Opera and Ballet Theatre after T. Shevchenko (choreography by Florian Kotsubynsky and Natalya Skorulska), but it didn't stay in repertoire for a long time. The first premier of the ballet in the Lviv Opera and Ballet Theatre (choreography by T. Ramonova) was less successful. Now 'Shadows of Forgotten Ancestors' are waiting for the new staging, relevant for today.

One-act *romantic* ballet '**Witch**' (op. 39, 1967, libretto by V. Nerodenko) is based on the poem of the same name by great Ukrainian poet Taras Shevchenko. It shows the tragic psychological drama of a young woman left pregnant by a soldier. People blame the young woman and call her a 'witch'. In the poem, the author addressed the theme of unhappy girls' fate, particularly during the serfdom, and the heroine warns the girls, tell about their mistake.

The ballet was successfully staged in the Lviv Opera and Ballet Theatre (choreography by V. Nerodenko) in 1968. It was shown together with One-act ballets by M. Skoryk and L. Dychko, but not a long time. Composer waited for new staging of his ballet by choreographer Dmytro Kyreyko – composer's grandson, who works in Budapest Opera and ballet Theatre. But for our days it stays not staging.

The *lyric-epic ballet* '**Orgy**' (op. 88, 1976), based on the drama by the same name by Lesya Ukrainka, is telling about a struggle of a talented independent artist against environmental injustice. Following the original source, composer reveals a philosophical problem of an artist and society. The ballet consists of two acts, and its content is concentrated in the scenes-dialogues. The main characters, as in other works by V. Kyreyko, have their own individual characteristics (leitmotifs).

The music of the ballet is based on the lyric-epic genre traditions with leisurely development of events, embodiment of the feelings of the heroes, that reduce internal dynamics of the ballet. The musical stylistics with the use of ancient folk music melodies, polyphonic

texture contributes to the disclosure of ancient images and the main psychology idea.

Despite the shortcomings of the choreographic libretto by Natalia Skorulska, the composer created his epic-lyric musical dramaturgy, based on the stylistic features of the Lesya Ukrainka's poem.

The last, fourth ballet '**The Sun Stone**' (op. 113, 1982), has typically *romantic* genre. Its plot, based on the legends of the Donetsk region, shows the hard life of miners during the capitalistic times. The libretto was made by Y. Kushakov. For the first time ballet was staged in the Donetsk Opera Theatre in 1982 by choreographer-director Y. Khasyanov. The composer told us, that the choreography was not so high professional as he wanted¹. So, the ballet did not stay for a long time in the repertoire of the theatre. This was only one musical-theatrical work by V. Kyreyko, that did not base on the Ukrainian literature classic and was written by order of the Ministry of Culture of Ukraine. After receiving the independence for Ukraine, the plot of ballet became irrelevant. So, composer understood that it will never be staged again. The beautiful music of several ballet numbers V. Kyreyko used later in the piano suite in his last opuses.

Conclusions. The results of exploring Vitaliy Kyreyko's musical and theatrical creation revealed that the composer fully expressed himself in such different theatrical genres: drama extravaganza, romantic drama, satirical opera extravaganza, chamber comic opera, romantic ballet, lyric-epic ballet. In each of the directions of theatrical and stage drama, the author managed to deeply reveal the underlying philosophical layers, by recreating the specifics of each of the genres in the score. By adapting the original sources to the requirements of opera drama, author intensified the conflict by musical meaning, raising the works to an even higher poetic level by it. The leading theme in the aesthetic and stylistic perception of the composer was the subject of devotion to the poetic dream and sincere feelings against the fate and drama.

Composer's body of work needs to be further updated and published: the vast majority of opuses are still in manuscripts given to us for safekeeping by the Kyreyko's family.

Vitaliy Kyreyko made a great contribution to the Ukrainian classical music of XX – XXI centuries by his high professional, sincere and deep music of different genres. Composer created his own stylistic system and

¹ From the private talk with V. Kyreyko on 23.12.2013.

musical language, which synthesizes intonations of Ukrainian songs with the achievements of European music, has a melodic and harmonic richness.

Vitaliy Dmytrovych Kyreyko's creative heritage combines several different components, forming an inner integrity that opens up new ways of research into the work of the Master Artist, who inspires others by his example.

References

1. Yefremova L. P., 'The forest song', opera by V. Kyreyko, – Kyiv, 1965. – 52 p. (in Ukrainian).
2. Zagaykevych M. P., Vitaliy Kyreyko's opera 'On Sunday morning...' // Culture and life, – Kyiv, 1966. – V. 14. (in Ukrainian).
3. Zagaykevych M. P. The artist and his time // Culture and life, – Kyiv, 1997. 05.02. (in Ukrainian).
4. Mayburova K. V., Vitaliy Kyreyko. Creative portraits of Ukrainian composers. – Kyiv, 1979. – 48 p. (in Ukrainian).
5. Shesterenko I. Little known biography pages of V. D. Kyreyko // Scientific Bulletin of NMAU named by Tchaikovsky. – V. 55. – K., 2006. – P. 88–98. (in Ukrainian).
6. Shesterenko I. New Ukrainian opera // Music. – K., – No. 5. 2005. – P. 8–10. (in Ukrainian).
7. Shesterenko I. V. Vitaliy Kyreyko's creativity in the course of History of Ukrainian music: Training manual: – K., 2008. – 428 p. (in Ukrainian).
8. Shesterenko I. V., The music language of Vitali Kyreyko as Ukrainian mentality // Scientific Bulletin of KNU-KiM. – Kyiv, – Vol. 23. 2010. – P. 189–195. (in Ukrainian).
9. Shesterenko I. V. Vitaliy Kyreyko: composer's creation in the context of time // Zbior Artykulow Naukowych. Warszawa (PL), 2016. – P. 27–29. (in English).
10. Shesterenko I. V., The Opera Creativity of the Ukrainian composer Vitaliy Kyreyko // Science, Research, Development # 28. – Baku, 2020. – P. 65–68. (in English).
11. Shesterenko I. V. The new ways of research of Vitaliy Kyreyko's creation of 2000 years // Ukraine, Europe, World: History and names in the cultural-art reflections. – Kyiv, P. Tchaikovsky National Music Academy of Ukraine, 2020. – P. 208–212. (in Ukrainian).
12. Shylenko Lada. Opera works by Vitaliy Kyreyko in the 1950's-60's in the context of the history of Kyiv State Conservatory named after P. I. Tchaikovsky // Scientific Bulletin of NMAU named by Tchaikovsky. – Kyiv, 2016. – Vol. 114. – P. 197–212.
13. Shylenko L. A. Techniques of scenographic design in the performances of Vitaliy Kyreyko's opera-fairy 'The Forest Song' // Scientific Bulletin of NMAU named by Tchaikovsky. – Kyiv, – Vol. 38. 2017. – P. 89–99.
14. Shylenko Lada. Opera heritage of Ukrainian composer Vitaliy Kyreyko in theatre and stage embodiments of his opera 'The Forest song' // Young Scholars Journal, Premier Publishing s.r.o. – Vienna. 6–72021. – P. 103–107. (in English).

Information about the authors

Iryna Shesterenko, Doctor of Philosophy, Professor of General and Specialized Piano, P. I. Tchaikovsky National Music Academy of Ukraine

Address: Kyiv, Ukraine, Arkhitektora Horodetskoho str., 1–3/11

E-mail: shesterenko@ukr.net; Tel.: +044279 12429

ORCID: 0000-0002-1694-0350

Lada Shylenko, Doctor of Philosophy, Sumy State A. S. Makarenko Pedagogical University

Address: 40002, Sumy, Ukraine, Romensk highway, 87

E-mail: shilenkol@gmail.com; Tel.: +38(0542) 68–59–02

ORCID: 0000-0003-0069-6880

History

История

УДК: 94(470)".../1150"

DOI: 10.29013/AJH-21-9.10-19-27

ТОМСЕТТ Е. Ю.¹¹ Самарский государственный социально-педагогический университет (СГСПУ), г. Самара

КНЯЗЬ ЕВСТАФИЙ МСТИСЛАВИЧ – ЗАБЫТЫЙ ГЕРОЙ РУССКОЙ ИСТОРИИ: К ВОПРОСУ О «КАСПИЙСКИХ» ПОХОДАХ ТМУТАРАКАНСКИХ РУСОВ XI ВЕКА

Аннотация:

Цель: Целью данной статьи является сопоставление сведений древнейших восточных источников о событиях «каспийских» походов 1030–1033 годов, совершенных в ходе борьбы за влияние на Северном Кавказе тмутараканскими русами и их христианскими союзниками – племенами аланов-ясов и сарирцев, со сведениями русских летописных источников с целью исследования вопроса о действительной личности князя русов, который стоял во главе этих походов.

Методы: Конкретно-исторический или идеографический (нарративный) метод исследования, воспроизведения и оценки; метод исторического анализа и сопоставления сведений иностранных и отечественных источников.

Результаты: Опираясь на свидетельства арабоязычных источников и информацию, доступную нам из древних русских летописей, в статье обосновывается предположение, что «каспийские» походы тмутараканских русов и их союзников были совершены под предводительством князя Евстафия Мстиславича, единственного сына и наследника черниговского князя Мстислава Владимировича, наместника отца в Тмутаракани с 1024 года, который, скорее всего, погиб во время похода 1032 года в битве при Хучне.

Научная новизна: Участие Мстислава Владимировича, бывшего князя Тмутараканского, в каспийских походах тмутараканских русов 1030–1033 годов до недавнего времени не вызывало сомнений в отечественной историографии, хотя для подобной уверенности не имелось никаких документальных оснований. Несмотря на то, что в настоящее время история каспийских походов тмутараканских русов привлекает все большее внимание русских историков, тезис о том, что во главе этих походов стоял князь Мстислав Владимирович по-прежнему признается по умолчанию. Данная статья представляет собой одно из немногих исследований, в котором, путем анализа истории каспийских походов, основанного на использовании и сравнении сведений русских и иностранных источников, обосновывается предположение о том, что во главе этих походов стоял молодой тмутараканский князь Евстафий Мстиславич.

Практическая значимость: Результаты исследования и выводы, сделанные автором на основании сведений источников, представленные в работе, имеют потенциал для более широкого использования в дальнейших исторических исследованиях, посвященных истории борьбы Причерноморской Руси за влияние на Северном Кавказе в целом, и деятельности тмутараканского князя Евстафия Мстиславича, в частности; а также в преподавательской практике.

Ключевые слова: «каспийские» походы тмутараканских русов; союз тмурараканских русов и алан в XI веке; «Тарих Баб ал-абваб»; битва при Хучне; князь Евстафий Мстиславич; князь Мстислав Владимирович Тмутараканский.

Для цитирования: Е. Ю. Томсетт. Князь Евстафий Мстиславич – Забытый Герой Русской Истории: К Вопросу О «Каспийских» Походах Тмутараканских Русов XI Века // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – С. 19–27. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-19-27>

Введение

Евстафий Мстиславич, единственный сын и наследник Мстислава Владимировича, князя Тмутаракани (Тамартхи) (990/1010–1024) – самого южного и самого удаленного удела империи киевского князя Владимира Святого (978–1015), является одним из героев древнерусской истории, незаслуженно забытых в трудах поколений русских историков. Этому факту способствовало то, что из летописных источников о Евстафии Мстиславиче известно чрезвычайно мало. Следует отметить, что неизвестна ни дата рождения Евстафия Мстиславича, ни личность его матери, ни его деятельность в Тмутаракани. Более того, в русских летописях нет единства даже в дате смерти Евстафия, которая очень часто путается и переплетается со смертью его отца. Наиболее осведомленная Лаврентьевская летопись сообщает о смерти Евстафия под 1033 годом (похоронен в Тмутаракани), при этом о смерти самого Мстислава сообщает несколькими годами позже – в 1036 году (похоронен в Чернигове) [15]. Из новгородских летописей о смерти Евстафия упоминается только в Софийской Первой летописи под 6541 (1033) годом, в то время как смерть Мстислава в ней приурочивается к 6542 (1034) году [15] (аналогично с сообщением Ипатьевской летописи [16]). Никоновская летопись, не упоминая о Евстафии, сообщает о смерти Мстислава в 6541 (1033) году [19], в то время как в Новгородской 4й летописи, также не упоминающей о Евстафии, датой смерти Мстислава приводится 6544 (1036) год [17].

О деятельности Евстафия Мстиславича в Тмутаракани, где он оставался князем и наместником отца после того, как Мстислав Владимирович получил наследство отца на Руси и в 1024 году стал черниговским князем, также известно чрезвычайно мало. Все, что мы знаем из летописей о политике Тмутараканского княжества после 1024 года, связано с именем Мстислава Владимировича. В отечественной историографии также существует гипотеза о том, что Мстислав Тмутараканский, уже будучи князем черниговским, пла-

нировал создать на базе тмутараканского княжества собственное государство, которое бы простиралось от Придонья до Северного Кавказа. Целью создания подобного государства представлялось стремление Мстислава установить контроль за великим торговым путем вдоль западного берега Каспия и Волги, который объединял страны Среднего Востока с Хазарией, Русью и не уступал по своему значению знаменитому пути «из варяг в греки». По этому пути издавна осуществлялись оживленные торговые связи со странами Закавказья, Северного Кавказа и Киевской Руси. Считается, что именно в рамках выполнения этой миссии в 1030–1033 годах войсками тмутараканских русов под предводительством самого Мстислава Владимировича были совершены несколько военных походов, получившие в историографии названия «каспийских» походов тмутараканских русов [5; 6; 7; 14].

Известны по крайней мере три (иногда говорят о четырех) из этих закавказских походов 1030–1033 годов, два последних из которых были совершены тмутараканскими русами в союзе с князьями аланов. В русских летописях не сохранилось никаких известий о закавказских походах русов. Судя по описанию этих походов в арабоязычных источниках, они были совершены либо в рамках предоставления наемной военной помощи тмутараканских русов своим союзникам на Кавказе, либо являлись совместными грабительскими набегами русов вместе с христианскими племенами Северного Кавказа – союзников Византии (т.е. аланских племен и племен христианского государства Сарира) на земли мусульманского Ширвана. По этой причине их трудно представить в качестве определенной политической акции Мстислава Тмутараканского по созданию нового государственного объединения в степях Придонья и Северного Кавказа.

Поскольку, как мы уже упоминали ранее, русские летописи не содержат никаких сведений об закавказских походах тмутараканских русов, данная работа посвящена рассмотрению истории этих походов, опираясь на свидетельства вышеупомянутых арабских

источников. Основным из них является арабоязычное сочинение «Тарих Баб ал-абваб», написанное в XI в. и дошедшее до нас в передаче турецкого историка XVII в. Мюнеджжим-баши, которое было опубликовано в переводе на русский язык известным русским востоковедом и дипломатом, исследователем истории, исторической географии, литературы и культуры Персии и Закавказья В. Ф. Минорским [12].

Каспийские походы тмутараканских русов 1030–1033 годов в изложении арабоязычных источников

Согласно «Тарих Баб ал-абваб», первый поход тмутараканских русов 1030–1031 годов был совершен в процессе военного конфликта за пограничные территории между Дербентским эмиром, получившим к тому времени самостоятельность от Арабского эмирата [11], и мусульманским государством Ширвана-нашахов. Следует отметить, что связи русов с Дербентом имели долгую историю: еще в 987–989 годах русы служили эмиру Дербента Маймуну, позволив ему вернуть трон в борьбе с дербентскими раисами [13, 288]. В походе 1030–1031 года русы также действовали как союзники дербентского эмира. Арабские источники утверждают, что в 1030 году русско-аланский флот в составе 38 кораблей вошел в Каспийское море и высадил десант возле Баку [8], а затем в нескольких сражениях разбил войско ширваншаха Минучихр ибн Йазида (1027–1034) [12, 154]. Поднявшись вверх по Куре, том же году русы в качестве наемников участвовали в междоусобном конфликте в Арране, разразившимся после смерти эмира Фадла, где против унаследовавшего его престол сына Мусы выступил другой его сын, надеявшийся при поддержке ширваншаха отвоевать у него трон Аррана. Прибывшее русское войско поддержало Мусу, осадило его брата в городе Байлакан и взяло город. После этого русский отряд вернулся домой через Рум – западную подконтрольную Византии часть Кавказа (территорию Армении). Отход русского отряда через территорию, подконтрольную Византии указывает, что в этой экспедиции могло принимать участие как русское войско из Тмутаракани, так и один из отрядов русов, служивших в греческой армии в качестве наемников или в целях исполнения союзных договоренностей Руси и Византии. Возможными союзниками тмутараканских русов в этом походе были союзные Византии племена аланов и сарирцы, которые в то время исповедовали христианство православного образца

[14, 104]. В 1031 г. русы вновь прибыли в Ширван, но были разбиты Мусой бен Фадлом [12].

В 1032 году русы уже вместе с аланами и сарирцами вновь появились в Ширване и Дербенде для того, чтобы совершить грабительский рейд по этим территориям. Арабская хроника сообщает о том, что итогом военной кампании союзников стало разграбление Ширвана: они силой взяли столицу Ширвана Язидию, располагавшуюся неподалеку от современной Шемахи, после чего в столице и «в других местах» Ширвана они перебили «свыше 10 тысяч человек и оставались в стране 10 дней, копая землю и извлекая деньги и имущество, которое жители там спрятали. Когда их руки наполнились мусульманским добром, они направились в свою страну». Однако на обратном пути домой через земли, принадлежащие Дербентскому эмирату, союзное войско с награбленным добром было атаковано в горах у Хучни мусульманами Дербента. Мусульманские войска, состоявшие из объединенных сил дербентцев, лезгин и табасаранцев во главе с дербентским эмиром Мансуром, «заняв теснины и дороги», напали на сарирско-алано-русских воинов и «убили многих из них: это была резня, о подобной которой никогда не упоминалось». «Тарих Баб ал-абваб» рассказывает о том, что христианских воинов, возвращавшихся из района нынешней Шемахи, мусульмане «предали ... мечу, так что спаслись немногие», отняв у них «всю военную добычу, живую и неодушевленную, которую те захватили в Ширване» [12, 154]. Прорваться через горы и уйти домой сумел только небольшой отряд во главе с аланским князем.

Заметим, что указание на участие алан в каспийских походах русов 1031–1032 годов свидетельствует о довольно близких союзнических отношениях между русскими и аланами, сложившихся к середине XI века, возможно, при участии Тмутаракани. В. Т. Пашуто полагал, что в данный союз не могли быть вовлечены дагестанские аланы Маската, поскольку они сравнительно недавно были разорены русами [14, 104–105]. Он справедливо указывал на то, что, скорее всего, в походе 1032 года участвовали аланы из «метрополии» на Центральном и Северо-Восточном Кавказе. Другими известными из арабоязычных источников союзниками русов в этом походе были сарирцы. Историк Дагестана Т. М. Айтберов отмечал, что совместная с русскими борьба сарирцев против мусульман, происходившая в 1032 г. недалеко от Дербента,

сохранилась в памяти сарирцев (хунзахцев) в форме устного предания, гласившего о битве горцев Дагестана и русских против прибывших с Востока арабов-мусульман, которая происходила в XI – XII вв. и закончилась победой мусульман («Когда Дагестан узнал» о прибытии мусульманского войска, «войска его проклятых неверных и армии Уруса, заключив соглашение о пребывании вместе и в радости и в горе, собрались около города, именуемого Чор, с намерением оказать сопротивление исламу, броситься вперед и нанести вред армиям мусульман» [1, 176]). Записанное в XVIII веке на арабском языке, это предание стало составной частью сочинения по истории горцев «Тарих Дагестан».

Столь сокрушительное поражение союзников произошло главным образом по причине изменения политической расстановки сил на Северном Кавказе. К тому времени правитель Аррана Муса, которого русы поддержали в 1030 году, вступил в брак с дочерью ширваншаха и стал его союзником. К союзу Аррана и Ширвана также присоединился эмир Дербента Мансур I ибн Маймун, который, с целью обеспечения военной поддержки сарирцев, в 1025 году вступил в брак с дочерью владельца Сарира Бохтийишо II [14, 104; 12, 77]. Это обстоятельство, надо полагать, несколько ослабило традиционную поддержку Сариром тмутараканско-аланского союза, но, тем не менее, по мнению Т.М. Айтберова, которое разделяет автор этой статьи, было бы неверным утверждать, что сарирцы в этот период заняли враждебную позицию по отношению к бывшим союзникам: в 1032 г. было заключено военное соглашение между сарирцами и аланами-ясами (предками осетин), которые выступили в поход на Ширван вместе с русами и аланами. Более вероятно, что, скорее всего, в момент разгрома союзников именно династические связи Сарира с Дербендом способствовали тому, что сарирцы менее, чем остальные союзники, пострадали в резне у Хучни. Несмотря на то, что прямо об этом в источнике не говорится, можно предполагать, что упоминание спасшемся от резни «маленьком отряде, включая правителя аланов» относится к сарирцам, которых пощадили при резне. Таким образом, отсутствие упоминания о сарирцах в описании боя вблизи Хучнинских «ворот» и, главное, отсутствие их реакции на разгром при Хучне позволяет предположить (в свете факта близкого родства между дербентским эмиром Майсуром и сидевшим в Хунзахе Бохтийишо II), что стараниями эмира Дербента поддан-

ные его тестя не только не пострадали в бою при Хучне, но и смогли помочь спасти оставшемуся в живых предводителю одного из союзников – аланскому князю. Заметим, что в хронике ничего не говорится о спасении правителя русов (вероятно, погибшего во время битвы). Мы вернемся к этому факту далее по ходу повествования, когда будем говорить о возможных претендентах на роль упомянутого в арабоязычных источниках «правителя русов».

Наконец, в завершение эпопеи «каспийских» походов тмутараканских русов известно, что в 1033 году аланский князь во главе объединенного русско-аланского войска в последний раз пришел в Северное Закавказье, чтобы «отомстить» дербентцам, но и на этот раз был разбит. В «Тарих Баб ал-абваб» указывается, что русы и аланы в походе 1033 года снова действовали сообща: они двинулись через горы в сторону Дербента и прилегающих мусульманских «пограничных областей», где у границ одной из этих областей около Ур-караха мусульмане «перебили множество аланов и русов», в результате чего «властитель алан» был «силой отражен от ворот» Ур-караха и «навсегда прекращены притязания неверных на эти исламские центры» [12, 54–77, 70]. Сарирцы не участвовали в этом последнем мероприятии русско-аланских походов на Каспий.

Предводитель тмутараканских русов в «каспийских» походах 1030–1033 годов – Мстислав Владимирович или Евстафий Мстиславич?

В свете рассмотренной истории «каспийских» походов тмутараканских русов и их союзников представляется интересным, насколько вероятным является общепринятое мнение о том, что походы 1030–1033 года были проведены под предводительством именно Мстислава Владимировича Тмутараканского, с 1024 года князя черниговского. Более пристальное изучение обстоятельств этих походов вызывает сомнения в непосредственном лидерстве в этих походах князя Мстислава Владимировича. Приведем несколько оснований в пользу высказанного соображения.

Во-первых, как известно из русских летописей и ранних польских хроник [4], в 1030–1031 годах – времени первого «каспийского» похода – Мстислав Черниговский подготовил и совершил совместно с его братом Ярославом Мудрым успешный поход на Польшу с целью отвоевания Червенских городов. Даже учитывая смещение дат этого похода с 1030 на 1031, представляется достаточно проблематич-

ным пребывание Мстислава с его войском примерно в одно и то же время в двух достаточно удаленных друг от друга районах – в Польше и в Закавказье, не говоря уже о времени и ресурсах, необходимых для подготовки к этим походам. Если же допустить, что Мстислав предоставил Ярославу для польского похода лишь часть своих войск, как полагают некоторые историки, в то время как сам отправился воевать на Северный Кавказ, то это противоречит указанию русских летописей, что Мстислав лично участвовал в польском походе Ярослава [15; 16].

Далее, не следует забывать, что еще в 1024 году Мстислав успешно отвоевал себе часть отцовского наследства в Русской земле и встал во главе обширного Черниговского княжества, уступив княжение (или наместничество) в Тмутаракани своему единственному сыну и наследнику Евстафию. С этого момента Мстислав оказывается тесно вовлечен в сферу политических интересов Русской земли и Ярослава. С тех пор из Никоновской летописи нам известно только об одном походе русских против аланского племени ясов, входящего в состав племенного союза алан, который состоялся в 1029 году, и, как считается, по ошибке, был приписан в летописи Ярославу [19]. Эта летописная путаница в том, кто совершил поход на ясов в 1029 году (который не упомянут ни в Ипатьевской, ни в Лаврентьевской, ни в Новгородской 4-й и Софийской 1-й летописях), в первую очередь, свидетельствует о том, что летописец, возможно, знал, что поход на ясов был совершен не лично Мстиславом, сидевшем в это время на престоле в русской земле в Чернигове. Тем не менее, по логике политики тмутараканских князей в Абхазии и на Северном Кавказе, этот поход, несомненно, был совершен тмутараканскими русами. Таким образом, возможно, что по причине того, что у летописца либо не было сведений о деятельности Евстафия, который после 1024 года являлся наместником отца в Тмутаракани, либо летописец по какой-то причине не желал упоминать о нем, то он предпочел просто приписать эти события ко времени княжения великого князя Ярослава. Эта позиция первого летописца впоследствии привела к тому, что поход на ясов 1029 году был причислен последующими переписчиками (или редакторами) лично Ярославу Мудрому.

Наконец, обращаясь к свидетельствам восточных источников, на основании которых русскими историками было сделано заключение о том, что каспийские

походы 1030–1033 годов в Закавказье были совершены под предводительством Мстислава Владимировича Тмутараканского, следует заметить, что в них упоминается лишь то, что в «каспийских» походах участвовали тмутараканские русы. Таким образом, получается, что походы 1030–1033 годов были приписаны Мстиславу Владимировичу по умолчанию, на основании летописных сообщений о том, что русским историкам он был известен как князь Тмутараканский, без учета того, что с 1024 года Мстислав Владимирович являлся князем черниговским, оставив в качестве наместника в Тмутаракани своего единственного сына Евстафия. Поскольку в русских летописях нет упоминания ни об одном из этих «каспийских» походов (в то время как в них сохранились свидетельства о походах Мстислава на касогов в 1022 и о походе на ясов в 1029 году), а также учитывая, что, став князем русской черниговской земли, Мстислав был тесно вовлечен в выяснение русско-польских земельных конфликтов, мы полагаем, что гораздо более вероятным является то, что предводителем русов в «каспийских» походах был не Мстислав, а его сын Евстафий, новый князь и наместник отца в Тамартхе-Тмутаракани.

Из описания этих походов в арабских источниках создается стойкое впечатление, что все они были совершены практически одним и тем же составом участников. Прямым указанием на то, что неудачный поход 1032 года, закончившийся бойней в районе Хучни, был совершен Евстафием, являются как сообщения восточных источников, так и дата смерти сына Мстислава, приведенная в русских летописях. Как мы уже упоминали выше, восточные источники утверждают, что в результате бойни при Хучне из всего состава русско-аланско-сарирского войска уцелел и сумел бежать с небольшой группой людей только аланский князь. Про судьбу князя тмутараканских русов ничего не известно, однако по логике описания бойни при Хучне следует, что он был убит, что, в сопоставлении с датой смерти Евстафия Мстиславича, датированной в русских летописях примерно 1032/1033 годами, дает нам основания предположить, что Евстафий погиб во время битвы при Хучне. Более того, именно уцелевший в бойне при Хучне аланский князь, по сообщению восточных источников, возглавил последний поход союзного алано-русского войска 1033 года, предпринятый для того, чтобы отомстить мусульманам Дербента за разгром при Хучне. В этом последнем закавказском походе войска тмутараканских русов теоретически

могли быть возглавлены самим Мстиславом Тмутараканским, решившим отомстить за смерть своего сына, но это предположение опровергается арабскими источниками, которые ясно утверждают, что во главе последнего похода стоял аланский князь.

Далее, обращаясь к участию аланов в «каспийских» походах тмутараканских русов и союзнических отношениях между тмутараканскими русами и аланами в походах 1032–1033 года, которые были упомянуты в арабских источниках, следует заметить, что, согласно политическим традициям того времени эти отношения должны были базироваться не столько на возможном подчинении аланов русам в результате одержанной русами военной победы над ними, сколько на последовавшим за этой победой политическом союзе, закреплённом династическим браком правителей аланов и русов. Говоря об этом, необходимо отметить, что, несмотря на существующее в отечественной историографии мнение о том, что княжна из рода аланов была женой Мстислава Владимировича [3, 649], представляется более вероятным, что эта аланская княжна (причем, скорее всего, из племени ясов, против которых была проведена военная кампания 1029 года) была, скорее, женой Евстафия, чем Мстислава Тмутараканского. Мстислав, как известно, был рожден около 983 года [3, 649] и отправлен на наместничество в Тмутаракани еще будучи ребенком. Опекуном и советником малолетнего князя был Сфенг, которого византийские источники называют «братом» Владимира [21, 464]. В 1015 году Сфенг, согласно сообщению хроники Скилицы, вместе с войском тмутараканских русов, принимает участие в подавлении восстания Георгия Цулы а Херсонесе, причем русская дружина Тмутаракани участвовала в военной экспедиции на основании русско-византийских договоров [10, 216, 218–222; 20, 125–133]. Почему во главе тмутараканского войска, выступившего на подавление восстания в Таврике [9, 384; 2, 148] в рамках союзнических отношений с Византией в 1015 году встал Сфенг, а не Мстислав Тмутараканский, которому в это время было около 32х лет, на первый взгляд, является непонятным, однако этот факт косвенно подтверждает неясное свидетельство хроники Длугоша о том, что в это время Мстислав со своей собственной дружиной был вовлечен в междоусобную борьбу в Русской земле [4].

Исходя из союзнических отношений с Византией, которые существовали у Тмутаракани, нам представ-

ляется более вероятным, что в целях укрепления этих отношений и, одновременно, русских позиций в Тмутаракани, в свое время (возможно, еще при жизни Владимира) они были закреплёны браком Мстислава с одной из многочисленных принцесс или представительниц аристократии византийского дома. В пользу того, что жена Мстислава (и мать его детей – Евстафия и Татьяны) была гречанкой косвенно свидетельствует то, что дети Мстислава, в отличие от других детей дома Рюриковичей Русской земли, известны не по их языческому, а по их греческим крестильным именам, в то время как на Руси того времени ситуация с именами представителей княжеского дома была, скорее, обратной. Таким образом, учитывая обычный брачный возраст князей того времени, сыну Мстислава Евстафию в 1029 году, во время похода на ясов, могло быть примерно около 25 лет, и то, что успешный поход на аланов-ясов закончился династическим браком Евстафия, ставшего с 1024 года во главе Тмутараканского наместничества, является абсолютно логичным, поскольку заключение родственных династических отношений с мощным аланским союзом племен было чрезвычайно выгодно для Тмутараканской Руси, стремившейся укрепиться на землях Северного Кавказа. Это, кстати, также объясняет тот факт, что после поражения при Хучне в 1032 году уцелевший аланский князь вернулся на Кавказ с новым походом в сопровождении тмутараканского войска для того, чтобы отомстить за смерть не только своего союзника, но и своего родственника – тмутараканского князя Евстафия Мстиславича.

Выводы:

Результаты представленного исследования позволяют сделать следующие заключения:

1. Во-первых, свидетельства аутичных арабских источников утверждают, что первые каспийские походы тмутараканских русов 1030–1031 годов были совершены под предводительством русского князя, правившего в Тмутаракани. Учитывая сообщения русских летописей, согласно сведениям которых Мстислав Владимирович, бывший князь тмутараканский, а с 1024 года князь черниговский, в 1030–1031 году совершил совместно со своим братом Ярославом Мудрым поход на Польшу с целью возвращения Киевской Руси Червенских городов, то он физически не мог являться тем русским князем, который возглавил в это же время первые каспийские походы тмутараканских русов.

2. Исходя из вышесказанного, единственно реальным претендентом на роль этого русского князя мог быть только единственный сын и наследник Мстислава Владимировича – князь Евстафий Мстиславич, занявший после ухода отца наместничество (или княжение) в Тмутаракани.

3. В пользу того, что русским князем, стоявшим во главе объединенных сил русов, алан и сарирцев в последующих каспийских походах, не мог быть князь Мстислав Владимирович свидетельствует сопоставление арабских источников с рассказами дагестанского эпоса, посвященного битве при Хучне, состоявшейся 1032 года, в которой рассказывается о смерти русского князя – одного из предводителей союзников.

4. Рассказы арабских и дагестанских источников о последующих каспийских походах 1032–1033 годов и о смерти русского князя в то же время совпадают со сведениями русских летописей о смерти Евстафия Мстиславича, которая произошла примерно в это время и, главное, при жизни его отца. Согласно русским летописям князь Мстислав Владимирович умер через несколько лет после смерти Евстафия, примерно в 1036 году, от полученного на охоте заболевания.

5. Наконец, учитывая свидетельства арабоязычных и русских источников, можно также заключить,

что князь Мстислав Владимирович не мог стоять и во главе последнего каспийского похода 1033 года. Арабские и дагестанские источники в один голос утверждают, что миссия возмездия за смерть русского князя при Хучне была осуществлена аланским князем, его союзником и, возможно, родственником.

Заключение

Подводя итоги всему вышесказанному, на основании сравнения свидетельств арабоязычных источников о событиях «каспийских» походов 1030–1033 годов, совершенных тмутараканскими русами и их союзниками – аланами и сарирцами, и сведений, известных нам из русских летописных источников и польских хроник о походах 1030–1032 года на Польшу, совершенного совместно Ярославом Мудрым, князем киевским, и Мстиславом Владимировичем, князем черниговским, мы можем с достаточной степенью уверенности заключить, что во главе «каспийских» походов тмутараканских русов, выступал не черниговский князь Мстислав Владимирович (до 1024 года князь Тмутараканский), как это принято полагать в отечественной историографии, а его сын и наследник – князь Евстафий Мстиславич (с 1024 князь Тмутараканский), который погиб во время похода 1032 года в битве при Хучне.

Список литературы

1. Айтберов Т. М. Древний Хунзах и хунзахцы. – Махачкала, 1990.
2. Байер Х.-Ф. История крымских готов как интерпретация «Сказания Матфея о городе Феодоро». – Екатеринбург, 2001.
3. Войтович Л. Княжеские династии Восточной Европы (конец IX – начало XVI в.). Состав, общественная и политическая роль. Историко-генеалогическое исследование. – Львов, 2000.
4. Длугош Ян. Анналы или Хроники славного Королевства Польши. *Annales seu cronicae incliti regni Poloniae* (перевод с лат. комментарии – Дьяконов И. В. 2010). Книга 2, часть 3. 1005 год господень. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos_2/frameset23.htm.
5. Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельниковой. – М., 1999.
6. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Том. III: Восточные источники. – М., 2009.
7. Коновалова И. Г. Походы русов на Каспий и русско-хазарские отношения // Восточная Европа в исторической ретроспективе. – М., 1999.
8. Кузнецов В. А. Истории алан. – Владикавказ, 1992.
9. Левченко М. В. Очерки истории русско-византийских отношений. – М., 1956.
10. Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). – СПб., 2000.
11. Магомедов Р. М. История Дагестана. – Махачкала, 2002.
12. Минорский В. Ф. «Тарих Баб ал-абваб». История Ширвана и Дербенда X–XI веков. – М., 1963.
13. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М., 1990.
14. Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. – М., 1968.
15. ПСРЛ, Т. I. Лаврентьевская летопись. – М., 1997. – С. 150, – л. 51.

16. ПСРЛ, Т. 2. Ипатьевская летопись. – М., 1998. – С. 138, – л. 56–56 об.
17. ПСРЛ, Т. 4, Ч. 1. Новгородская Четвертая Летопись. – М., 2000. – С. 113, – 63 с.
18. ПСРЛ, Т. 6. В. 1. Софийская Первая летопись старшего извода. – М., 2000. – С. 176. – С. 152–152 об.
19. ПСРЛ, Т. 9. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – М., 2000. – С. 79.
20. Степаненко В. П. К истории средневековой Таврики / В. П. Степаненко // Античная древность и средние века. – Барнаул: День, 1992. – Вып. 26: Византия и средневековый Крым. – С. 125–133.
21. Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzas op. Bonnae, 1839.

Информация об авторе

Томсетт (Советкина) Елена Юрьевна, кандидат исторических наук (Россия), доктор психологических наук (Великобритания), доцент кафедры всеобщей истории, Самарский государственный социально-педагогический университет (СГСПУ).

Адрес: 443099, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67

E-mail: elena.c.sovetkina@bath.edu; elle.tomsett@mail.ru; Tel.: +7 (846) 958–66–68

ORCID: 0000-0002-1338-7633

E. Y. TOMSETT¹

¹ Samara State University of Social Sciences and Education – SSUSSE

EVSTAFIY MSTISLAVICH – THE FORGOTTEN PRINCE OF RUSSIAN HISTORY: TO THE MATTER OF THE “CASPIAN” MILITARY CAMPAIGNS OF THE TMUTARAKAN RUS IN THE ELEVENTH CENTURY

Abstract

Objective: The purpose of this article is to compare the information of the ancient eastern sources about the events of the “Caspian” campaigns of 1030–1033, committed during the fight for influence in the North Caucasus by the Tmutarakan Rus and their Christian allies – the tribes of Alans-Yases and Saririans, with information from Russian chronicles with the purpose to determine the true identity of the Russian prince, who was at the leader of these campaigns.

Methods: Specific historical or ideographic (narrative) method of research, reproduction and evaluation; method of historical analysis and comparison of information from the foreign and domestic sources.

Results: Based on the evidence of Arab sources and information available to us from ancient Russian chronicles, this article substantiates the assumption that the “Caspian” military campaigns of the Tmutarakan Rus and their allies were led by prince Evstathiy Mstislavich, the only son and heir of the Chernigov prince Mstislav Vladimirovich, who since 1024 was appointed by his father as the governor of Tmutarakan, and who most likely was killed during the 1032 “Caspian” campaign at the Battle of Khuchna.

Scientific novelty: The leadership of Mstislav Vladimirovich, the former prince of Tmutarakan, in the “Caspian” military campaigns of the Tmutarakan Rus in 1030–1033 until recently did not raise any doubts in Russian historiography, although there were no documentary evidence for this assumption. Moreover, despite that presently the history of the “Caspian” campaigns of the Tmutarakan Rus attracts more attention of Russian historians, the leadership of Mstislav Vladimirovich in these military campaigns is still accepted by default. This article is one of the few studies in which, by analysing the history of the “Caspian” campaigns, based on the use and comparison of information from Russian and foreign sources, the author made an attempt to promote and substantiated the assumption

that the leader of these military campaigns was Evstafiy Mstislavich, young and forgotten by the Russian chronicles prince of Tmutarakan.

Practical relevance: The evidence of the Arab, Dagestan and Russian sources and the conclusions drawn by the author on their basis and presented in this paper have the potential for wider use in further research devoted to the history of the fight for the influence in the North Caucasus by Tmutarakan Rus and their Christian allies, in general, and to the activities of the Tmutarakan prince Evstafiy Mstislavich, in particular. Furthermore, this research can be used in teaching practice.

Keywords: the “Caspian” military campaigns of the Tmutarakan Rus; the military alliance of the Tmutarakan Rus and Alans in the eleventh century; “Tarikh Bab al-abwab”; the battle of Khuchna; Prince Evstafiy Mstislavich; Prince Mstislav Vladimirovich Tmutarakansky.

References

1. Aitberov T. M. Drevnij Khunsakh i khunsakhtzy. – Makhachkala, 1990. (In Russian)
2. Bayer H. F. Istoria krymskih gotov kak interpretazija “Skasanija Matfeja o gorode Feodoro”. – Ekaterinburg, 2001. (In Russian).
3. Voitovich L. Knjazeskiye dinastii Vostochnoj Evropy (konetz IX – nachalo XVI vekov). Sostav, obtchestvennaja i politicheskaja rol'. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie. – Lvov, 2000. (In Russian).
4. Dlugosh J. Annaly ili Chroniki slavnogo Korolevstva Pol'skogo. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae (perevod s lat. kommentarii – D'jakonov I.V. 2010). Kniga 2, Ch. 3. 1005 god gospoden'. – Accessed 23th October 2021 on: URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Dlugos_2/frameset23.htm.
5. Drevnaja Rus' v svete zarubeznych istochnikov/Pod red. E. A. Mel'nikovoj. – M., 1999. (In Russian).
6. Drevnaja Rus' v svete zarubeznych istochnikov: Hrestomatija / Pod red. T. N. Jackson, I. G. Konovalovoj, A. V. Podosiniva. – Tom 3: Vostochnyje istochniki. – M., 2009. (In Russian).
7. Konovalova I. G. Pokhody rusov na Kaspij i rusko-khasarskije otnoshenija // Vostochnaja Evropa v istoricheskoj perspective – M., 1999. (In Russian).
8. Kusnetzov V. A. Istoriya alan. – Vladikavkas, 1992. (In Russian).
9. Levchenko M. V. Ocherki istorii rusko-visantijskikh otnoshenij. – M., 1956. (In Russian).
10. Litavrin G. G. Visantija, Bolgarija, Drevn'aja Rus' (IX - nachalo XII v.). – SPb., 2000. (In Russian).
11. Magomedov R. M. Istoriya Dagestana. – Makhachkala, 2002. (In Russian).
12. Minorsky V. F. “Tarikh Bab al-abwab”. Istoriya Shirvana i Derbenda X–XI vekov. – M., 1963. (In Russian).
13. Novosel'tzev A. P. Khazarskoje gosudarstvo i ego rol' v istorii Vostochnoj Evropy i Kavkasa. – M., 1990. (In Russian).
14. Pashuto V. T. Vnesn'aja politika Drevnej Rusi. – M., 1968. (In Russian).
15. PSRL. T. 1. Lavrent'evskaja letopis'. – M., 1997. P. 150, 51. (In Russian).
16. PSRL. T. 2. Ipat'evskaja letopis'. – M., 1998. P. 138, 56–56ob. (In Russian).
17. PSRL. T. 4. Ch. 1. Novgorodskaja Chetvertaja letopis'. – M., 2000. – P. 113, 63. (In Russian).
18. PSRL. T. 6. Ch. 1. Sofijskaja Pervaja letopis' starshego izvoda. – M., 2000. P. 176, 152–152ob. (In Russian).
19. PSRL. T. 9. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'ju. – M., 2000. – P. 79. (In Russian).
20. Stepanenko V. P. K istorii srednevekovoj Tavriki / Stepanenko V. P. // Antichnaja drevnost' i srednije veka. – Barnaul, 1992. – Vyp. 26: Visantija i sredneverovij Krym. – P. 125–133. (In Russian).
21. Georgijus Cedrenus Ioannis Scylitzac ope. Bonnae, 1839.

Information about the author:

Elena Yur'evna Tomsett (Sovetkina), candidate of Historical Sciences (RF), PhD in Psychology (UK), associate professor of the Department of History, Samara State University of Social Sciences and Education (SSUSSE)

Address: 443099, Samara, M. Gorkiy Str., 65/67

E-mail: elena.c.sovetkina@bath.edu; elle.tomsett@mail.ru; Tel.: +7 (846) 958–66–68

ORCID: 0000-0002-1338-7633

Pedagogy

Педагогика

УДК 37.032

DOI: 10.29013/AJH-21-9.10-28-33

САДЫКОВА Т. Н.¹

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск,
МБДОУ «ДС «Непоседы», Ямало-Ненецкий автономный округ, г. Муравленко, Российская Федерация

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГА ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация

Введение. В статье анализируется проблема определения эффективных педагогических условий формирования и оценивания профессиональной компетентности педагогических работников дошкольных образовательных организаций (далее ДОО) и практическая реализация данных условий в МБДОУ «Детский сад «Непоседы» г. Муравленко.

Материалы и методы. Для понимания сущности профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования, выделения ее структуры используются такие методы исследования, как анализ нормативно-правовых документов и научных исследований, рассматривающих различные подходы к пониманию сущности профессиональной компетентности. Для исследования уровня профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования используются диагностические методики, включающие анкетирование, тестирование.

Результаты. По итогам изучения научных исследований и анализа нормативно-правовых документов в сфере дошкольного образования была дана характеристика профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования, определена структура профессиональной компетентности педагога как совокупность профессионально-образовательных и социально-статусных компетенций; теоретически обоснованы и апробированы на базе МБДОУ «Непоседы» педагогические условия формирования и оценивания профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования.

Обсуждение. В статье подчеркивается, что профессиональная компетентность педагогических работников дошкольного образования является одним из средств управления качеством дошкольного образования через реализацию профессионально-образовательных и социально-статусных компетенций.

Заключение. По итогам изучения научных исследований и анализа нормативно-правовых документов в сфере дошкольного образования предлагается структура профессиональной компетенции педагогических работников, характеристика профессионально-образовательных и социально-статусных компетенций. Делается вывод о том, что теоретическое обоснование педагогических условий и их реализация будет способствовать повышению уровня профессиональной компетентности профессиональной компетентности педагогических работников и повышения качества дошкольного образования.

Ключевые слова: компетентность, профессиональная компетентность педагога, профессионально-образовательные компетенции, социально-статусные компетенции, педагогические условия формирования и оценивания профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования.

Для цитирования: Садыкова Т. Н. Педагогические условия формирования профессиональной компетентности педагога дошкольного образования // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – С. 28–33. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-28-33>

Основные положения:

- рассмотрено понятие «профессиональная компетентность педагога дошкольного образования»;
- выявлена структура профессиональной компетентности педагога как совокупность компетенций;
- обоснованы и апробированы педагогические условия формирования профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования.

1. Введение

Проблема формирования профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования, ее актуальность определяется изменениями в системе образования, существующими требованиями к повышению качества образования, совершенствованию деятельности образовательных организаций. В Федеральном законе от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования, утвержденного приказом Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. № 1155, отмечается, что деятельность образовательной организации должна быть направлена на достижение качества образовательного процесса. Для этого необходимы соответствующие средства, в том числе деятельность педагогических работников на высоком профессиональном уровне. В связи с этим актуальной становится проблема исследования сущности профессиональной компетентности педагогических работников, ее структуры, определения условий формирования компетенций, необходимых педагогическому работнику дошкольного образования для организации качественного образовательного процесса.

2. Материалы и методы

Для исследования сущности понятия «профессиональная компетентность» были изучены различные научные подходы. Выявлено, что под компетентностью педагога понимается «совокупность профес-

сиональных знаний, умений их применять в своей работе, профессионально-значимых качеств» [1], «заданный профессиональным стандартом уровень знаний и умений» [2], «готовность реализовать образовательные задачи» [3], «совокупность способов профессиональной деятельности» [4], «способность адаптироваться в меняющейся профессиональной среде» [5], «совокупность компетенций» [6]. Наибольший интерес представляет подход, предложенный С. Г. Молчановым [7]. Профессиональная компетентность педагогических работников – это совокупность компетенций. В компетенцию входят знания (представления об объекте), умения и навыки (способы работы с объектом), способы деятельности и поведения (реальные действия и поступки).

В соответствии со структурой компетентности (знания, умения и навыки, действия и поступки) можно выделить две группы компетенций педагогических работников – профессионально-образовательные и социально-статусные. Профессионально-образовательные компетенции обеспечивают передачу содержания образования посредством обучения (как результат – образованность личности, или уровень обученности), социально-статусные – содержания социализации посредством воспитания (как результат – социализованность, или воспитанность личности). При этом воспитание и обучение понимаются как взаимосвязанные и неотделимые друг от друга компоненты образования. В соответствии с этим педагог должен обладать профессионально-образовательными компетенциями, чтобы быть готовым к передаче содержания образования (обучения), и социально-статусными для передачи содержания социализации (воспитания).

Профессионально-образовательные компетенции включают предметные, дидактические, качественные, технико-технологические и методические.

Предметные компетенции – это профессионально-образовательные компетенции педагога, которые характеризуют представления о своем предмете, представления о способах работы (умения и навыки),

необходимые в профессиональной деятельности, действия и поступки. Применительно к педагогу дошкольного образования предметные компетенции можно определить как компетенции по образовательным областям (согласно ФГОС ДО).

Дидактические компетенции – это профессионально-образовательные компетенции педагога, которые характеризуют представления об образовательном процессе, формах, методах и средствах обучения, представления о способах работы (умения и навыки организации процесса обучения), необходимые в профессиональной деятельности действия и поступки.

Квалитативные компетенции – это профессионально-образовательные компетенции педагога, которые характеризуют представления, умения, навыки, действия и поступки, связанные с педагогической оценкой, реализацией функцией контроля в образовательном процессе.

Технико-технологические компетенции – это профессионально-образовательные компетенции педагога ДОО, которые включают представления, умения, навыки, действия и поступки, связанные с реализацией педагогических технологий обучения и воспитания детей дошкольного возраста.

Методические компетенции – это профессионально-образовательные компетенции педагога ДОО, включающие: стремление к изучению передового педагогического опыта педагогов дошкольного образования; знания и умения проектирования самообразовательной деятельности; активное участие в различных формах методической работы ДОО; стремление осваивать инновационные педагогические технологии; умения и навыки самоанализа собственной педагогической деятельности.

Социально-статусные компетенции – это профессионально важные качества педагога ДОО.

Важную роль в структуре профессиональной компетентности играет мотивация – совокупность внешних и внутренних мотивов профессиональной деятельности, при этом наиболее значимую роль играют внутренние мотивы, направленные на самообразование, раскрытие своего творческого потенциала [8].

Педагогические условия, при которых возможно успешное формирование профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования, включают в себя: формирование активности и внутренней мотивации педагогов; организация форм методической работы, обеспечивающих освоение спо-

собов формирования и оценивания профессиональной компетентности педагогических работников.

Итак, мы проанализировали научную литературу по проблеме формирования профессиональной компетентности педагога, рассмотрели профессионально-образовательные и социально-статусные компетенции педагога, теоретически обосновали педагогические условия формирования профессиональной компетентности. Теперь опишем процесс практической части исследования.

3. Результаты

Апробация педагогических условий формирования профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования осуществлялась посредством экспериментальной работы в три этапа.

Первый (констатирующий) этап позволил выявить уровень сформированности компетенций педагогов и особенности мотивации профессиональной деятельности. В качестве оценочных материалов использовались: методика «Лист самооценки компетенций педагога (Т. А. Сваталова), адаптированная под задачи данного исследования; методика «Отбор содержания социализации (ОСС)», «Оценивание социализованности (ОС)» (С. Г. Молчанов); методика «Изучение мотивации профессиональной деятельности» (К. Замфира в модификации А. Реана).

По итогам проведенного исследования было выявлено, что профессионально-образовательные компетенции на оптимальном уровне сформированы у 35% педагогов, на допустимом уровне – у 55%, на критическом уровне – у 10%. Социальные компетенции, или профессионально важные качества, которые составили «портрет педагога ДОО», включают любовь к детям, доброту, общительность, ум, способность защищать свои взгляды, ответственность, отзывчивость, работоспособность, воспитанность, умение понимать других.

В структуре мотивации педагогов ДОО наиболее значимыми являются как внешние, так и внутренние мотивы. Среди внешних мотивов на первый план у педагогов выходят финансовый мотив, а также потребность в достижении социального престижа и уважения со стороны коллег. Среди внутренних мотивов самые высокие показатели получил мотив «удовлетворение от самого процесса и результата работы». У части педагогов отрицательные внешние мотивы (стремление избежать наказания, критики со сторо-

ны руководства) занимают ведущее местов в структуре мотивации, что требует организации работы по формированию внутренней мотивации.

Второй (формирующий) этап был направлена на апробацию педагогических условий формирования профессиональной компетентности педагогов дошкольной образовательной организации. На основании данных условий была разработана программа, включающая нормативно-правовое, научно-методическое, социально-психологическое, материально-техническое обеспечение направления. В основе методической работы по формированию профессиональной компетентности педагогов лежали занятия в форме дискуссии, семинара-практикума, игры, проектной деятельности. Данные формы предполагают активное участие педагогов в обсуждении проблемы, взаимодействие между собой и обмен опытом.

Третий (контрольный) этап практической части исследования позволил проанализировать эффективность созданных педагогических условий и оценить динамику произошедших изменений в уровне профессиональной компетентности педагогических работников. В результате исследования выявлено, что профессионально-образовательные компетенции на оптимальном уровне сформированы у 65% педагогов, на допустимом уровне – у 35%. Критический уровень сформированности профессионально-образовательных компетенций на контрольном этапе не выявлен. Социальные компетенции, или профессионально важные качества, которые составили «портрет педагога ДОО», показали положительный прирост у всех педагогов.

В структуре мотивации педагогов ДОО стали более выраженными внутренние мотивы профессиональной деятельности: «возможность самореализации», «удовлетворение от процесса и результата

работы». Снизилась показатели внешней отрицательной мотивации, что означает, что педагоги стали более ориентированными на самореализацию и раскрытие своего творческого потенциала.

4. Обсуждение (Discussion)

Изучение научных исследований, анализ нормативно-правовых документов показали, что проблема обеспечения качества дошкольного образования, повышения профессиональной компетентности педагогических работников является одной из актуальных.

Профессиональная компетентность рассматривается как совокупность компетенций – профессионально-образовательных и социально-статусных. К профессионально-образовательным относятся предметные, дидактические, квалиметрические, технико-технологические, методические компетенции.

Педагогическими условиями формирования профессиональной компетентности педагогических работников дошкольного образования являются формирование активности и внутренней мотивации педагогов; организация форм методической работы, обеспечивающих освоение способов формирования и оценивания профессиональной компетентности педагогических работников.

5. Заключение

Таким образом, профессиональная компетентность педагогических работников – это средство управления качеством дошкольного образования. Выявленный комплекс педагогических условий способствует формированию профессионально-образовательных и социально-статусных компетенций, которые необходимы педагогу дошкольного образования для осуществления профессиональной деятельности на высоком уровне.

Список литературы

1. Профессиональная деятельность педагога: новые подходы и решения: коллективная монография / А. Ю. Нагорнова [и др.] / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2017. – 287 с.
2. Как воспитателю выстраивать деятельность по профессиональному стандарту: методическое пособие / авт.-сост. Ю. А. Афонькина. – Волгоград: Учитель, 2018. – 209 с.
3. Соломенникова О. А., Гладкова Ю. А. Профессиональная компетентность современного педагога: вопросы формирования и непрерывного совершенствования // Дошкольное воспитание. – № 11. 2018. – С. 86–93.
4. Абашина В. В. К вопросу о профессиональной компетентности педагога дошкольного образования в современных условиях [Электронный ресурс] // Мир науки. – № 1. – Т. 5. 2017. – С. 45. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/49PDMN117.pdf/> (дата обращения: 10.03.2020).
5. Вершинина А. Ю. Развитие профессиональной компетентности педагога дошкольного образования // Проблемы современного педагогического образования. – № 71 (1). 2021. – С. 64–67.

6. Панфилова О. И. Понятие «профессиональная компетентность» и различные подходы к изучению феномена данного понятия // Инновационные педагогические технологии: сб. материалов V Междунар. науч. конф., октябрь 2016 г. Казань: Бук, 2016. – С. 3–6.
7. Молчанов С. Г., Садыкова Т. Н. Основания для построения теории профессионально-педагогической компетентности // Социум и власть. – № 1 (69). 2018. – С. 113–126.
8. Каз М. С., Никитин А. А. Мотивационная среда как фактор достижения стратегических целей компании // Вестник Томского государственного университета. – № 3 (7). 2009. – С. 45–47.

Информация об авторе

Садыкова Таслима Нурисовна, Аспирант кафедры педагогики и психологии детства, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Челябинск, музыкальный руководитель, МБДОУ «ДС «Непоседы», Ямало-Ненецкий автономный округ, Муравленко, Российская Федерация

Адрес: Ямало-Ненецкий автономный округ, Муравленко, Российская Федерация

E-mail: taslima.s@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6583-5944

T. N. SADYKOVA¹

¹ *South Ural State Humanitarian and Pedagogical University, Chelyabinsk, MBDOU «DS»
Fidgets, Yamalo-Nenets Autonomous District, Muravlenko, Russian Federation*

PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TEACHER OF PRESCHOOL EDUCATION

Abstract

Introduction. The article analyzes the problem of determining effective pedagogical conditions for the formation and evaluation of professional competence of pedagogical workers of preschool educational organizations (hereinafter referred to as pre-school educational institutions) and the practical implementation of these conditions in MBDOU “Kindergarten “Restless” Muravlenko.

Materials and methods. To understand the essence of the professional competence of preschool teachers, to highlight its structure, research methods such as the analysis of regulatory documents and scientific research considering various approaches to understanding the essence of professional competence are used. To study the level of professional competence of teachers of preschool education, diagnostic methods are used, including questionnaires, testing.

Results. Based on the results of the study of scientific research and analysis of normative legal documents in the field of preschool education, the characteristics of the professional competence of teachers of preschool education were given, the structure of the professional competence of a teacher as a set of professional educational and socio-status competencies was determined; the pedagogical conditions for the formation and evaluation of the professional competence of teachers of preschool education were theoretically substantiated and tested on the basis of the MBDOU “Restless”.

Discussion. The article emphasizes that the professional competence of teachers of preschool education is one of the means of managing the quality of preschool education through the implementation of professional and educational and socio-status competencies.

Conclusion. Based on the results of the study of scientific research and analysis of normative legal documents in the field of preschool education, the structure of professional competence of teaching staff, characteristics of profes-

sional-educational and socio-status competencies are proposed. It is concluded that the theoretical justification of pedagogical conditions and their implementation will contribute to improving the level of professional competence of professional competence of teaching staff and improving the quality of preschool education.

Keywords: competence, professional competence of a teacher, professional and educational competencies, social and status competencies, pedagogical conditions for the formation and evaluation of professional competence of teachers of preschool education.

Highlights:

The concept of “professional competence of a teacher of preschool education” is considered;

The structure of professional competence of a teacher as a set of competencies is revealed;

The pedagogical conditions for the formation of professional competence of teachers of preschool education are substantiated and tested.

References

1. Nagornova A. Y. Professional'naya deyatel'nost' pedagoga: novye podhody i resheniya (kollektivnaya monografiya). (Professional activity of a teacher: new approaches and solutions (Collective monograph)). Zebra,– Ulyanovsk, 2017.– 287 p. (In Russian).
2. Afonkina Y. A. Kak vospitatel'ny vystraivat' deyatel'nost' po professional'nomu standartu (metodicheskoe posobie). (How to build an educator activity according to a professional standard (Methodical manual)). Uchitel',– Volgograd, 2018.– 209 p. (In Russian).
3. Solomennikova O. A. & Gladkova Y. A. Professional'naya kompetentnost' sovremennogo pedagoga: voprosy formirovaniya i nepreryvnogo sovershenstvovaniya. (Professional competence of a modern teacher: issues of formation and continuous improvement) // Doshkol'noe vospitanie.– 11. 2018.– P. 86–93. (In Russian).
4. Abashina V. V. K voprosu o professional'noj kompetentnosti pedagoga doshkol'nogo obrazovaniya v sovremennykh usloviyakh. (On the issue of professional competence of a teacher of preschool education in modern conditions). Mir nauki,– 1(5), 45. 2017. Available at: URL: <http://mir-nauki.com/PDF/49PDMN117.pdf/> (Accessed: 10.03.2020). (In Russian).
5. Vershinina A. Y. Razvitie professional'noj kompetentnosti pedagoga doshkol'nogo obrazovaniya. (Development of professional competence of a teacher of preschool education). Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya,– 71 (1), 2021.– P. 64–67. (In Russian).
6. Panfilova O. I. Ponyatie “professional'naya kompetentnost'” i razlichnye podhody k izucheniyu fenomena dannogo ponyatiya. (The concept of “professional competence” and various approaches to the study of the phenomenon of this concept). Innovacionnye pedagogicheskie tekhnologii, oktyabr' 2016. (Collection of materials of the V International Scientific Conference, October 2016). Buk,– Kazan, 2016.– P. 3–6. (In Russian).
7. Molchanov S. G. & Sadykova T. N. Osnovaniya dlya postroeniya teorii professional'no-pedagogicheskoy kompetentnosti. (Grounds for building a theory of professional and pedagogical competence). Socium i vlast',– 1 (69). 2018.– P. 113–126. (In Russian).
8. Kaz M. S. & Nikitin A. A. Motivacionnaya sreda kak faktor dostizheniya strategicheskikh celej kompanii. (Motivational environment as a factor in achieving strategic goals of the company). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 3 (7). 2009.– P. 45–47. (In Russian).

Information about the author

Taslima Nurisovna Sadikova, Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology of Childhood, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, music director, MBDOU “DS “Neposedy”, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Muravlenko, Russian Federation Address: Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Muravlenko, Russian Federation

Address: Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Muravlenko, Russian Federation

E-mail: taslima.s@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6583-5944

Sociology

Социология

UDC 316

DOI: 10.29013/AJH-21-9.10-34-44

E. S. GURENKO¹**E. H. KARPOVA**¹

¹ *Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education Russian State University named after A. N. Kosygin (Technologies. Design. Art) Moscow, the Russian Federation*

THE PROBLEM OF VALUES IN THE POSTNONCLASSICAL SCIENCE

Abstract

Goal: To identify the aspects and features of the influence of values on the cognition process in postnonclassical science.

Methods: Comparison, generalization, system analysis, theoretical learning, as well as the method of analogy.

Results: Based on the analysis of the selected literature (books, periodicals, etc.) the historical prerequisites of the postnonclassical science, its outstanding characteristics and features, in particular the so-termed new type of philosophizing, emphasizing the moments of particularity, freedom and asserting the independence of personal being and the world of values; and also the place of values in the postnonclassical world picture of the Russian and foreign authors has been determined, and also the relationship of values with the principle of subject-object dichotomy, which lies in the fact that each partner has no common features with another one (Hume's Guillotine).

Scientific novelty: The paper is the first attempt to apply an interdisciplinary approach (humanitarian and naturalistic) to the analysis of the problem in studying the mechanisms of inclusion of values in cognition.

Practical relevance: Practical relevance: the results obtained during the study can be used in solving such problems as the formation of an important worldview aspect – the value aspect of consciousness, axiological dominant based on foreign and domestic traditions in the substantiation of the value approach of formation of personality in various areas of economic, political, managerial activity, the public consciousness orientation to universal human values, as well as organizing a wide range of scientific and practical activities (further development and clarification of the problem field of topic raised) and the educational process in the system of training the students of different levels and majors (philosophy, axiology, andragogy, cultural studies, socio-humanitarian directions, etc.).

Keywords: values; postnonclassics; scientific knowledge; postnonclassical picture of the world; dichotomy.

For citation: E. S. Gurenko, E. H. Karpova. The Problem of values in the Postnonclassical Science E. S. Gurenko, E. H. Karpova // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – C. 34–44. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-34-44>

Introduction

At the turn of the XX–XXI centuries, the world was overwhelmed by a series of sweeping changes, which can be called a transition to the postnonclassical stage. At the

same time, the postnonclassical reality has manifested itself in all spheres of human and social life – in politics, law, ideology, economy, artistic and religious life. The most general assessment of these qualitative changes

consists in recognizing the crisis state of the entire midst of social life, as well as all its levels and layers. And this is a very revealing fact, since the problem begins to actualize the scientific interest of researchers, as a rule, in a context of breaking traditional standards of thinking.

1. Postnonclassical Science

1.1. Definition of Postnonclassics

Let us first consider what postnonclassics is and what distinguishes it from classics and nonclassics. Broadly speaking, the classics is a relevant cultural exemplarity, that is, cultural patterns that were created sometime in the past but are still in use in the present. Postnonclassics is either a distinction from classical exemplars or a rejection of them. Postnonclassics is respectively what follows after nonclassics, either in a derivative form or not. From this we can distinguish four types of postnonclassics [1]:

- 1) Postnonclassics – that's what is derived from nonclassics as a difference from it;
- 2) postnonclassics – that's what is derived from nonclassics as a rejection of it;
- 3) postnonclassics – that's what arises after nonclassics as a distinction from classics;
- 4) postnonclassics – that's what arises after nonclassics as a rejection of classics.

As a direction of science, postnonclassics emerges at the end of the twentieth century in the tasks of describing complex, evolving, developing systems and processes that can be defined in different ways. Thus, the subject of observation inevitably appears. It is endowed not only with sensory organs and instruments, analyzed by empiriocritics but also with social and cultural, psychological sphere. This understanding of science has been obtained by society in the last hundred years. From Newtonian deterministic physics and incompatible Darwinian paradigm in biology through principles of relativity to observational tools in quantum and relativistic physics, then through the modelling of Universe evolution and the cosmological anthropic principle, the discovery of the role of dynamic chaos and emergence of evolutionary natural science to developing historical systems modelling and universal evolutionism. The core of these interdisciplinary processes today is synergetics (scientific and philosophical principle that considers nature, the world as a self-organizing complex system¹), which, however, does not mean that the methods of synergy should be

applied everywhere. In many cases the baggage of previous stages of science development of strict disciplinary knowledge is sufficient. The methods of synergetics are redundant where there is no system development.

The postnonclassics is particularly impressive in planning and decision-making, such as planning a complex, expensive experiment, whether a super accelerator of elementary particles or thermonuclear fusion station; the study of unique, one-time events, such as a flight to Mars or Halley's Comet, because we need an optimal strategy for solving urgent problems of mankind, and everyone understands it in his own way.

These are all environmental problems in which the human factor plays a crucial role. This is the economy, in which the needs, psychology, way of life of people must be taken into account. It is any process where the role of an observer-participant is relevant. That is why synergetics is sometimes called the basis of postnonclassical science.

1.2. Features of Postnonclassical Science

To understand the difference between classics, nonclassics, and postnonclassics, let us turn to the typology of scientific rationality proposed by the Russian philosopher V. S. Stepin in 1989, within which he identifies three stages in the science development [2]:

- 1) classical;
- 2) non-classical;
- 3) postnonclassical.

According to the author one of the criteria to distinguish classical, nonclassical and postnonclassical rationality is the type of systemic organization of the objects being mastered [3]. For mastering the objects organized as simple systems, classical rationality is sufficient. The nonclassical type of rationality provides the mastery of complex self-regulating systems, while the postnonclassical type provides the mastery of complex, self-developing systems.

Moreover, each stage is characterized by its own system of ideals and norms of research. "If we schematically represent this activity as a relationship "subject – means – object" (including understanding the value-purpose structures of activity), then the described stages of the science evolution can be characterized by different depth of moral reflection in relation to scientific activity itself" [4].

For example, during the classical stage of scientific knowledge formation, the standards and norms of

¹ The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language: A-Ya / RAS. Research Institute for Linguistics; Compiled by Chief Editor, Candidate Sc. Philology, S.A. Kuznetsov. – SPb.: Norint. – 1998. – P. 1534.

knowledge justification, arising on the basis of “breaking” the worldview of medieval thinking and the gradual establishment of a new understanding of nature, human and the goals of cognition, were approved. If the medieval scientist did not consider experience as a criterion of the truth of knowledge, for the New Age science the main goal of cognition lies in the study and disclosure of natural properties and relations of objects, primarily based on the experiment findings.

Here, the object of cognition is the focus of attention of the scientist of the classical period, and everything that relates to the subject, means and its activity is completely excluded. The exclusion of subjective characteristics from the process of cognition consisted in the removal of all higher meanings from the context of science and was the main condition for obtaining objective-true knowledge about the world of that period. That is, a reality was formed in which human was “thrown out” of nature or opposed to it [5].

The general scientific picture of the world of non-classical science was no longer seen as an exact copy of nature but as “a constantly refined system of relatively true knowledge about the world. The ideas about the activity of the subject of knowledge changed accordingly. It was no longer seen” “as distanced from the world under study but as being within it, and determined by it” [6]. As a result of the rethinking of the subject’s role in scientific knowledge, there emerges an awareness that “nature’s answers to our questions are determined not only by the structure of nature itself but also by the way we pose questions, which depends on the historical development of the means and methods of cognitive activity” [7]. That is, we can say that within the framework of this stage of scientific knowledge there is a strengthening of the relation between the knowledge about the object and the nature of the means and activity, and it is considered as the conditions of objective and true description and explanation of the world. But the connections between intrascientific and moral, humanitarian values are still not the subject of scientific reflection, although implicitly they determine the character of knowledge. In other words, nonclassical science (sociology in particular) is primarily a Neo-Kantian program of justification of social and humanitarian knowledge [8], since it is most characterized by “methodologicalism”, which just defines this period specificity in Stepin’s understanding. The representatives of the postnonclassics have been already trying to justify the practical attitude to the object by

restoring the rationality of everyday life, which preceded objectifying reflection.

The following attributes of the postnonclassical science can be attributed to the features of the postnonclassical stage:

- change in the nature of scientific activity due to the revolution in the means of knowledge acquisition and storage (science computerization, merging of science with industrial production, etc.);
- spread of interdisciplinary research and integrated research programs;
- increased importance of economic and sociopolitical factors and goals;
- change of the object itself – open self-developing systems; inclusion of axiological factors in the explanatory statements;
- use of humanities methods in natural science, in particular the historical reconstruction principle.

Postnonclassical science indicates that the researcher and the research subject – the subject and the object – belong to a broader class of phenomena. That is, in addition to the reality in which the subject and the object are separated, there is another reality where both are not opposed to each other; the activity of the subject is not aimed at the object. Furthermore, there is a reality in which both the subject and the object are objects. Hence we can conclude that the modern postnonclassical stage of science development is associated with the search for the intersection of the subjective and the objective, as a result of which the absolute observer, any principles of prohibition imposed by the subject on nature are gone. And an era of dialogue is coming, when the subject and the object take on a common style, becoming equal.

In the categorical grid of the postnonclassical picture of the world a special importance is being attached to such concepts as instability, non-equilibrium, non-linearity, irreversibility, self-organization, co-evolution, etc., which, if they were applied to study the world in classical and nonclassical science, were not of key importance, especially this concerns the social form of global evolutionism, which are associated with the application of a number of other categories, actually associated with the specific features of exactly social evolutionism.

The objects of research in postnonclassical science are unique, complex, historically evolving systems that interact with the environment and share substance, energy, and information. In other words, open and self-organizing systems play the dominant role. Of particular

importance among them are “man-sized complexes” [9] – natural systems in which humans are actively involved, ranging from ecological, informational, medical and biological to axiological objects and processes. There is a change in the concepts of reality itself, from empirical to theoretical reality, that is, to the world of constructs, models, and theories. Reality is now seen as a fragment of a new synthetic universe.

A new type of science is associated with such notions as self-renewal, self-organization, and self-determination; the systematic interrelationship of natural dynamics in space and time is gradually recognized; the role of fluctuations abolishing the law of large numbers and thus giving the individual with his creative imagination a chance, is highlighted. As a result, there is an increasing emphasis on the openness, the creative nature of evolution, in which neither the individual structures that arise and perish nor the final outcome are predetermined.

2. Values in the Postnonclassical Picture of the World

2.1. The concept of “value” in the works of Russian and foreign authors

Since scientific knowledge at each stage of its development is determined inter alia by the general state of culture of a given historical era, it should be considered in the context of values and paradigms. Upon that, the simultaneity of the emergence of the concept of “value”, on the one hand, and of the principle of the subject-object dichotomy, on the other hand, makes us wonder about their interrelation.

One of the problems concerning the conceptual moments of defining the meaning of the concept “value” in the postnonclassical picture of the world is attributed to the fact that this concept is characterized by a certain linguistic duality. The point is that in this case, the understanding of values contemplates their acceptance as some attribute, as a value of something, because without such clarification this concept becomes insane. The object of philosophical analysis in this situation represents in the ethical sense a value in itself. It is worth noting that in such a situation the objects themselves have value or these objects will be values. Thus, for example, some researchers assume the consideration of the values in different cultures from the distinction of a particular value, or the values of a particular culture, which serves as a basis for individual choices and value judgments. At the same time, in the postnonclassical social reality there is a constant evaluation of events in the world around us, substance of be-

havior, human activities, ideas, and the like. Therefore, the value approach to the phenomena of society and nature here is related to the results of activity and involves the selection of the objects of evaluation, what is necessary for the existence and satisfaction of human needs. Next, let us consider some authors in more detail.

The second half of the XX century was marked by a sharp intensification of the technocratization of social consciousness, on the one hand, and an increase in the opposing humanist trend, on the other hand. This was expressed, in particular, in a new appeal to existential ideas, which, in contrast to the era of world wars, became not an experience of meaninglessness and pessimism about external values but rather an optimistic attempt to preserve freedom for the subject, despite the dominance of the external factor of the constant growth of consumption. One of the options for solving this problem was proposed by the psychologist and philosopher V. Frankl [10], the founder of the method of logotherapy, or existential psychotherapy. The concepts of value and meaning play a key role in the philosophical foundation of this method aimed at filling the “existential vacuum” in the soul of a modern man who has lost the instincts and traditions that in the past gave him security and idea-driven set course. Frankl believes that the existence of meanings and values is objective but is seen by individuals as unique. He criticizes the theory of understanding values as the self-expression of individuality (Sartre, Camus [11; 12]) or the self-expression of humanity as a whole (Jung [13]), arguing that then values could not call man further than he is. At the same time, Frankl retains the idea of uniqueness in relation to the experience and interpretation of values and meanings, noting that uniqueness does not simply mean the relativity of meanings but is “the quality not only of the situation but also of life as a whole, since life is a stream of unique situations [14]. The concepts of meaning and value in his theory are extremely close and are distinguished as follows: “values can be defined as those universals of meaning with which society, if not all of humanity, is confronted”. What today, according to Frankl, is the unique meaning of an individual’s life, may become a universal value tomorrow. That is, values are objectified and supported the meanings found by individuals in unique situations. The perception of universal values facilitates an individual’s internal search for “meaning because” at least in typical situations he is out of decision-making. The philosopher points out that modern society is character-

ized by the absence of universal values, their creativity is decreasing, which at the same time does not reduce the possibility of creation of unique meanings. Frankl's classification of values is of interest. It distinguishes "values of creativity", "values of experience", and "values of attitude". These groups reflect the three main directions in which an individual can find life purpose. The first relates to what the individual gives to the world in his creations, the second one – to what he takes from the world in his encounters and experiences, and the third one – to what place he takes in relation to his situation in the event that he cannot change his destiny. This classification expresses the subject-object essence of value as precisely as possible, not reducing it to pure relationality but giving the moment of "relation" a key guiding role. Despite the tendency toward objectivism in interpreting the world of values, Frankl keeps the subject completely free to choose, to experience uniquely and to intertwine with the creation of meanings [15]. It is also indicative that in this case, axiology finds an intersection of psychology, medicine, anthropology, and ontology, which points to the tendency to the practical interpretation of the fundamental problems of the personal existence on the one hand, and the inevitable ontologization of spiritual and ethical issues on the other. Modern society is approaching a stage of development where the values and meanings of individual existence can affect (and already do affect) the existence of humanity and nature as a whole, which inevitably leads to the need to solve the problem of the meaning of existence from the position of universality.

Another contemporary psychologist, A. Maslow, also addresses the problem of personal values in the context of the existential tradition, although he does not fully share it. He believes that values are not a project or invention of the individual but "they are inherent in the structure of human nature itself; they have a biological and genetic basis and are developed in culture" [16]. Considering the values as a result of an individual's mental characteristics and health, Maslow outlines homeostatic values (peace, heartsease, sleep, rest, protection, recession, and even death wish) as a special group, calling them "immature" or "borderline" values [17]. He argues that such values are not central to a healthy person. The highest human nature does not aspire to homeostasis but to personal empowerment, he argues, so it is distinguished by its conation to "B-values" or values of Objective Reality. Maslow seeks to link psychological theory

and ontology and concludes that the values of reality are directly relevant to the mental health of the individual. These values are not constructed but "discovered" by the subject in their higher nature, so their comprehension is part of personal empowerment that Maslow considers life purpose. B-values, values (truth, divinity, beauty, integrity, vitality, uniqueness, perfection, etc.) can fill the individual's existence with the meaning that religions in ancient times gave and that must be found independently in the age of positivism and scientific progress. Maslow compares growth values and regressive values and concludes that "good culture" should allow the satisfaction of higher needs as well as lower ones. Existential psychology and psychotherapy are probably proving increasingly relevant today due to the fact that modern society itself has proven to be sick. The appeal to the search for meanings and values as a method of finding mental health and harmony is in many ways similar to Eastern psychopractices (such as Buddhism or Chan Buddhism), and the appeal to them testifies to the crisis of the Western methodology and at the same time to its openness.

E. Fromm pays great attention to the analysis of values, both in the logical and in the historical-philosophical aspect in his work "The Revolution of Hope" [18]. In his reasoning, he proceeds from the division of values into those "which an individual considers as values himself, consciously evaluating his life" and "objective values", which he is unconsciously guided by. The main contradiction and problem, according to the philosopher, is that unconscious values arising from an individual's social life directly determine his being, while conscious values are "ineffective". Understanding how to act and wishing to do so, the individual is forced to act according to officially recognized standards and norms. As for the nature of conscious or higher values, Fromm relates it to revelation, noting that for the Western man it is the revelation of God, while for Buddhism higher values were not related to the revelation of a Higher Being. In this religious system, he suggests, the hierarchy of values "was available to everyone without any condition concerning rational thought or human feelings", and was comprehended through meditation.

Fromm analyzes various theories explaining the nature of values, in particular Sartre's theory of freedom [19], and social and biological determinism, pointing out their shortcomings. He associates his own position on this issue with the continuation of A. Schweitzer's tradition. Schweitzer [20], described in his work "Veneration of Life". From the point of view of this notion, the

valuable is claimed to be that which is demanded by life itself and in doing so contributes to the fullest disclosure of all traditions, we note that it can also be dangerous to a certain extent. The unfolding of “all human capabilities” can sometimes not promote but contradict life, so self-realization and the fulfillment of all possibilities, in our opinion, must proceed from the unconditional value of life, including life of another, as well as his freedom.

According to Fromm, the values chosen by the individual are closely related to his existence (existence is not identical with material existence but includes spiritual life). There are a great many alternatives, and the individual chooses the structure that best suits his character. Thus, Fromm links the nature of values to objective factors (revelation, sociality, economic life) and their choice to subjectivity, the inner, above all psychological, features of the identity. But if we ask ourselves what our choices are formed by – our genetic program, morality, the unconscious “it” or mind – Fromm’s theory will not give us a definite answer. On the whole, his approach can be assessed as another attempt to combine objective and subjective factors in the structure of value as developed in the humanistic tradition. It should be noted that it is Fromm who pays considerable attention to the study of the values of modern industrial society, not only from a position of criticism but also from a position of hope for their qualitative change.

In his turn, G. Marcuse [21] fairly combines the process of civilization formation and the change in the value system of a man, who lived as part of nature. In his opinion, the transition to a new quality is facilitated by “instinctive values, that is, the principles that contribute to these goals achievement. Changes in the system of values lead humanity to a new stage of existence, where there is a rejection of comprehensive satisfaction of needs to conscious control over them.

In the seventies of the XX century, the interest in axiological problems in Western philosophy increased sharply. Against the background of criticism of naturalism, intuitionism, and emotivism there were formed approaches striving for a holistic, comprehensive coverage of the problem of nature of value, for overcoming the contradictions that arose within the framework of one or another separate tradition. The Polish researcher T. Stychen notes that “the modern state of discourse concerning the understanding of axiology, value and a way of its cognition

with good reason is characterized as a state of dead end” [22], according to the philosopher the reason of it consists in too narrowed theory of reality which automatically is accepted as a general field of dispute. Attempts to solve this problem have been made by many Western thinkers. In particular, Glenn M. Vernon [23] offered an explanation of nature of value in the context of the concept of symbolic interactive interaction. He substantiated the two-in-one essence of value, which “first, is a sign (label), second, the meaningfulness”, and when values change, symbolic names are preserved. The comprehension of empirical and non-empirical symbols takes place in experiential, rational and super-empirical ways, respectively, and their reality for the subject is completely unrelated to scientific evidence. Vernon believes that symbols are the constructs of consciousness that underlie the worldview, and values are a variant of their justification by the individual as meaningful and determining behavior. The main thing about values is that they act as an expression of the individual and his vision of the world in external reality: “When I create values, the phenomenon of evaluation manifests itself”, I indirectly communicate something about myself to my audience. Vernon fairly points out that scientific knowledge is helpless in comprehending symbolic reality, just as it is powerless in investigating value, unlike the value definitions that it has traditionally dealt with. A similar approach is taken by R. Brunbau¹, who notes that the basis of value is an “intuitive requirement” and therefore all attempts to identify it logically will inevitably encounter insoluble difficulties.

One of the most circumstantial conceptions of value in recent decades, R. Hartman’s “Formal Axiology” [24], is based on the identification of value and significance. If logically the significance of a thing is defined as a set of predicates characterizing it, and the set of predicates is “the completeness of the content of a thing”, then “a thing has value to the extent to which its completeness is the richest”. Formal axiology as a qualification of qualities proceeds from the logical nature of value, called by R. Hartman, the completeness of content, and from the structure of this completeness as a set of predicates. This allows the author to refer his concept to theory of sets, similar to mathematical. Thus, he concludes that formal axiology is “an objective and aprioristic science, and its regulation is based on objective standards”. How can the quality of value be measured? R. Hartman is convinced

¹ Global Problems and Universal Human Values: A Collection. // – M. 1990. – P. 247.

that this measure is the “completeness” (intension) of a thing: “The measure of value of a thing is, therefore, the logical completeness of a thing; the thing that has more elements that fill it, and which correspond to the totality of all the properties contained in the thing, is the best”. According to the theory of sets the completeness as a measure of value consists of cosets, and each of the cosets is the value of a thing. Valuation, according to R. Hartman, organizes or disorganizes the properties of a thing, which makes the vision of a thing more agile, and more dynamic than stable. This concept is filled with the desire to present value as an objective phenomenon, which, on the one hand, would allow us to examine it from the position of formal logic and, on the other hand, to rationalize its components, functions, and attributes.

In turn, another modern philosopher W. Werkmeister believes that the modern crisis of theories of value is connected with the fact that each of them absolutizes the role of feelings or relations in the value content, while “only feelings and relations together constitute the experience of value” [25]. He believes that man’s existence owes to his ability to create the values of certain things and phenomena, so it is not the material conditions that act as primary for his being but the creativity of cultural samples that strive to realize the values. In this regard, he calls the future “a manifestation of the highest values” of humanity as “the conjunction of its aspirations, its goals in the perspective of its way toward personal self-justification”. His research is notable for the firm conviction that there can be no harmonious existence without the value experience consideration but that the values themselves must be deeply understood and weighed.

According to R. Frondizi, the value is a “Gestalt quality” that should not be separated from empirical properties but nevertheless “cannot be reduced to them” [26]. According to Frondizi, value cannot be presented as the sum of its components, objective and subjective, it is like a “symphony orchestra”, an “organic unity or Gestalt”. At the same time, the thinker emphasizes that values do not exist in a vacuum, they are always situational, the result of a certain individual experience and depend both on the individual himself and on the goal, conditions, and era. The author concludes that axiological development enrichment is determined by the constant manifestation of human imagination, thinking and activity. R. Hartman believed that there is an insoluble contradiction between unreal values and reality situations, R. Frondizi, in turn, points out that values are embodied in real objects that

are “always open” to it. Regarding the hierarchy of values, Frondizi proves that it cannot be linear and vertical, like ranks in the army, it can only be the result of a very complex relationship of values, which will change depending on the subject condition, his needs, abilities, his attitude to the object, the situation of the society in which he lives. And this is one of those conclusions, which, in our opinion, should certainly be taken into account by modern researchers of value.

K. Bayer believes that the main difficulties of modern axiology are due to the imperfection of the conceptual questions. According to him, the world of value includes two types of essentially different phenomena: “value assessment” and “value imputation”. The first can be measured by the ability of beings themselves, including the individual, to appropriate goods, and the second – is measured by willful aspiration, the ability of the individual to achieve the end result [27]. In his opinion, the attention to the study of values must grow, since it is now clear that comprehensive responsibility relates to the fact that values play a leading role in determining human behavior.

According to Bayer, a positive worldview can be based on the fact that the subject is capable not only of evaluating existence but also of changing things in compliance with his own interests, thanks to which he is ultimately the determinant of the existence of things.

Another modern researcher, M. Scriven [28], notes that values in the broad sense are the result of need, and in the narrow sense is the result of attraction. Therefore, contemporary methodological discussions of value are only “a certain unconscious picture of the relationship between value judgments (opposed to the intrinsic nature)”, which lead to a distortion of reality.

In turn, C. Hall considers values to be a “measure of the fullness” of an object [29]. He points out that when we talk about the superiority of values compared to private ideas or feelings, we understand that ideas or feelings to a large extent provoke and determine the orientation of behavior according to “value vector”.

P. Merton [30] considers values in the context of the ethos of science. From his point of view, only an emotionally colored set of values and norms can be called an ethos of science. These norms manifest themselves as injunctions, prohibitions, permissions, and preferences, which are “legitimized” in institutional terms (communalism, universalism, disinterestedness, organized scepticism), thus forming a scientific conscience. That is, ethnicity, like the social system of norms and values in

general, is supported by feelings and emotions of those to whom they apply. Any violation of it entails indignation, disrespect and other negative forms of emotions on the part of society.

The modern American scientist H. Lacy [31] also reflects on values. For him values represent the good that a man strives for all his life, this quality that gives meaning and perfection to life, this strategy of behavior, to which all others are equal. Moreover, the values require regulatory control, and a mismatch between a person's (social groups or social institutions) values in words and actions can exist because of incorrect self-assessment. Therefore, H. Lacy makes recommendations for their reconciliation, highlighting several behavioral strategies to adapt to social values – adapting goals to reality, resigning to survival values, creative marginality, aspiration for power, transformation from below (creating public forms of participation).

Despite the fact that in the studies of domestic philosophers and thinkers of the second half of the XIX century and early XX century, the universal human values were recognized as fundamental qualities in the formation of personality, and this reasoning is based on the works of outstanding national thinkers, such as S. N. Bulgakov, I. A. Ilyin, A. F. Losev, N. K. Roerich and others, harmonizing Western European and domestic views on the axiological component of social being [32]. The ideological dogmas of the XX century of the Soviet period concerning the development of Russian scientific thought have made significant adjustments in the understanding and interpretation of the “values” concept. The problem of values was considered from a certain angle in domestic philosophy and the humanities and social studies for a long period of time due to the known ideological reasons. Only towards the end of the XX century and the beginning of the XXI century there is a kind of “axiological breakthrough”, and the problem of values is discussed by a wide range of philosophers, scientists, and practitioners. Universal value concepts dominate in their works, as well as the studies focusing on the historical analysis of axiology – the development of the value-cultural approach. Thus, V. K. Shokhin reduces the world of values only to personal values, which become perpetuated only “in personal subjective being” and characterize the deep level of relevance-for-someone, but are universal and common to humanity [33]. L. V. Baeva, on the contrary, does not absolutize individual values, but defines them as “a special type of information reflecting the subject

uniqueness and expressing the most significant aspirations for self-improvement of its quality” [34].

At the same time, if we compare the works of domestic and foreign authors, we will see that domestic philosophy traditionally considers the values of science, while foreign philosophy – especially English-language – forms the philosophy of virtue.

2.2. Values and the Subject-Object Dichotomy

Thus, we see that the very fact of the connection between the concept of “value” and the principle of the subject-object dichotomy does exist [35]. But what is the genesis and character of this relation?

It is worth noting that the most active application of the principle of dichotomy (the principle of pair division, which consists in the fact that each partner has no common features with the other) found in the works of D. Hume. For example, in his “Treatise on Human Nature” (1739), he noted the impossibility of moving from “there is” (descriptive) judgments to “must” (prescriptive) judgments solely on the basis of logic [36]. The principle is indicative of the fact that the validity of general propositions may not be deduced from facts in a strictly logical way. It later came to be called the Hume principle or “Hume’s Guillotine”, but it had little effect on the structure of ethical and humanistic thought as a whole, since psychological persuasive power in ethics and life practice dominates logical correctness [37].

In this context the reasoning of the modern domestic scientists Yu. V. Perov, V. Yu. Perov and P. P. Gaidenko is interesting. Thus Yu. V. Perov and V. Yu. Perov note that the value attitude and thinking in values are formed exclusively on the basis of the subject-object relation as a type of this relation; and values, in turn, are derived from this relation. They also believe that the entire philosophy of values could only have developed on the basis of the subjective principle of New European metaphysics with its basic subject-object relation as the result of the development and consistent universalization of this subjective principle [38]. However, this point of view still needs to be clarified.

P. P. Gaidenko took a different path. In her reasoning, she separates being and oughtness, which is the premise of the theory of values. If in axiology the thesis about the identity of these two notions in the Antiquity and Middle Ages and the subsequent separation of being and values is generally accepted, P. P. Gaidenko sees the main difference between values and the ancient and medieval concept of good in the fact that value refers to the subject of pure will, that is, to the “going beyond” subject whose

status ensures general significance of values. And since values belong to the field of practical reason, they do not have a being that is irrelevant to the transcendental subject: they have only significance, that is, “the essence of demands, commands, appeal to will, the goal set” [39].

This conclusion, however, is also quite contentious, as it inevitably turns everything that falls within the subject’s attention including a man with his ideals and desires, into an object of external aspirations and manipulations. This just becomes the basis of this attitude when there is a total alienation of man from nature, society and he himself, turning him from a self-valuable subject into an object of social technologies. Here, as another domestic scientist G. P. Vyzhletsov says, “to have” instead of “to be”, “to exist” instead of “to live”, “to obey” instead of “to create” begin to prevail [40]. That is, in this case, one must always keep in mind that the meaning of any human value, and much less spiritual value includes the “proper”, the “desirable”, the “norm”, the “goal” and the “ideal”, along with the “significant”.

Conclusions

From all has been said it follows that a peculiarity of the postnonclassics is setting for combining cognitive and various kinds of general social values and goals. Thus, in the process of determining scientific and research priorities, along with cognitive values, spiritual values, and goals themselves, goals of economic and political nature begin to play ever-growing role. However, practical decisions making schemes are still on a massive scale based on notions of rationality that do not represent the value aspects of.

In postnonclassical science, there is a transition from the ideal of value-neutral research consisting in setting for searching the only objective truth, the answers to questions that deal with “human-like” objects and therefore

suppose a value-based background knowledge. Therefore, the answers we are looking for are, in one way or another, value-laden. They include variable conditions and boundaries of admissible interference into the object, and, consequently, the system of prohibitions or limitations on certain algorithms of cognition-creation, capable of generating threats to the values and goals, accepted as basic. There are ideas evolving from the traditional scholastic attitude, according to which a man is seen as part of an established world order in which all things are governed by a higher being, where “a fixed order of values completely independent of any subjective decision” reigns, and where a man himself is interpreted in terms of his orientation toward an absolute realm of values and essences that are mastered as a result of active creativity. On the other hand, a new type of philosophizing emerges at the end of the XX century, emphasizing moments of individuality, freedom, and asserting the independence of personal being and the world of values, seeking, in turn, transcendence and communication. The interinfluence and collision of these approaches constitute the peculiarity of the modern axiological vision of the world.

Taking all the aforesaid into consideration, we can say that the development of the concept of postnonclassics in the context of values poses many interesting and important challenges to representatives of various sciences and scientific disciplines. This requires both self-organization of academic community and interdisciplinary approaches, brings to a new level of scientific search and empirical research on the implementation of the value approach in the educational process of higher education, in the managerial sphere of economy, political sphere and public administration, in all aspects of a human being.

References

1. Reichert K. V. A meaningful Clarification of the Concepts of “Classics”, “Nonclassics” and “Postnonclassics”. *Molodoy Vchenyj*, – No. 4(31). 2016. – P. 605–608. (in Russian).
2. Stepin V. S. Scientific Cognition and Values of Technogenic Civilization. *Problems of Philosophy*, – No. 10. 1989. – P. 3–18. (in Russian).
3. Stepin V. S. *Postnonclassics: Philosophy, Science, Culture*. – St. Petersburg: Publishing House “Mir”, 2009. (in Russian).
4. Naumov P. Y., Utyuganov A. A. Value as a Type of Subject-Object Relations (System Analysis). *Bulletin of the University*, – No. 22. 2013. – P. 246–251. (in Russian).
5. Naumov P. Y. Approaches to Understanding the Essence of Values and Their Systems: History and Modernity. In *the World of Scientific Discoveries*. Krasnoyarsk: Publishing house “Scientific-Innovation Center”. – No. 7. 2012. – P. 192–207. (in Russian).

6. Stepin V.S. Types of Scientific Rationality and Synergetic Paradigm. Complexity. Mind. Postnonclassics,– No. 4. 2013.– P. 35–44. (in Russian).
7. Stepin V.S. Value Bases and Historical Perspectives of Technogenic Civilization. Science Studies,– No. 1. 1999.– P. 101–111. (in Russian).
8. Ivanova A. S. Classical, Nonclassical and Postnonclassical Models of Social Cognition. Bulletin of the Moscow State Regional University. Ser.: Philosophical Sciences,– No. 3. 2010.– P. 22–29. (in Russian).
9. Arshinov V.I. Complex World and Its Observer. Philosophy, Methodology and History of Science,– No. 1. 2015.– P. 86–99. (in Russian).
10. Frankl V. Man's Search for Meaning,– Moscow: Progress, 1990.– 368 p. (in Russian).
11. Popova O. V. Berdyaev N.A. and Sartre J.-P. Two Poles of Existential Philosophy. Informational Humanitarian Portal "Knowledge. Understanding. Skills". 2010.– No. 1. (in Russian).
12. Kosareva L. M. Value Orientations and Scientific Knowledge Development. Problems of Philosophy, 1987.– No. 8(12). (in Russian).
13. Jung C. G. Psychological Types. Translation from German,– Minsk: Popurri, 1998.– 656 p. (in Russian).
14. Frankl V. The Will for Meaning. Translation from English,– Moscow, 2000.– 368 p. (in Russian).
15. Borisov E. V. Dialogue as Fate. Co-existence with the Other in M. Heidegger's Existential Analysis. History of Philosophy.– Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,– Vol. 1. 1997.– P. 81–98. (in Russian).
16. Maslow A. Toward a Psychology of Being. Religious, Values and Peak-Experiences,– New-York: Penguin, 1964.
17. Morogin V. G. The Value-Necessity Sphere of the Personality: Concept and Methodology of Research. Siberian Psychological Journal,– No. 24. 2006.– P. 37–52. (in Russian).
18. Fromm E. The Revolution of Hope. Deliverance from Illusions. Translation from English, Publisher: Iris-Press, 2005.– P. 352. (in Russian).
19. Evdokimova K. N. Sartre J.-P. On the Relationship Between Freedom and Alienation. Siberian Journal of Philosophy,– No. 16(2). 2018.– P. 238–245. (in Russian).
20. Pashchak I. V. The Essence and Peculiarities of A. Schweitzer's Philosophy of Culture. Bulletin of Vyatka State University,– No. 3(137). 2020.– P. 28–35. (in Russian).
21. Hintibidze Ts. Ch., Gorozia V.E. Marcusean Critique of Western Civilization. Man. State. Globalization, St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society,– Issue 3. 2005.– P. 279–295. (in Russian).
22. Stychen T. What is Axiology? XX Culturology,– Moscow, 1996.– P. 4–11. (in Russian).
23. Vernon G. M. Values, value definitions, and symbolic interaction. Value theory in philosophy and social science,– New York, 1973.
24. Hartman R. S. Formal Axiology and the Measurement of Values. Value Theory in Philosophy and Social Science, N.Y.: Gordon and Breach Science Publishers, 1973.– P. 38–46.
25. Baeva L. V. Value Changing World: Existential Philosophy of History: Monograph, Astrakhan, 2004.– 286 p. (in Russian).
26. Frondizi R. What is value? 2nd. United State of America: Open court publishing company, 1971.
27. Baier K. Concept of Values. Value theory in Philosophy and Social science, Gordon and Breach, 1973.
28. Gobofov I. A. Philosophy of History: Problems and Prospects. Philosophy and Society,– No. 2. 1997.– P. 162–193. (in Russian).
29. Calvin S. Hall Theories of Personality, John Wiley and sons, inc.,– New York, London, Sydney, Toronto, 1970.
30. Merton R. K. The sociology of science: Theoretical and empirical investigations, Chicago and – London: The University of Chicago Press, 1973.
31. Vyzhletsov G. P. Scientific Rationality in the Epoch of Axiological Relativism. Bulletin of Saint Petersburg University,– Vol. 31.– No. 4. 2015.– P. 15–26. (in Russian).
32. Karpova E. G. Integral Process of Musical and Aesthetic Culture Formation in the Students of Pedagogical University. Extended Abstract of Dissertation of Candidate of Pedagogic Sciences in Specialty. 13.00.05,– M., 1998.– P. 3–7. (in Russian).

33. Shokhin V. K. Philosophy of Values and Early Axiological Thought: Monograph, – M.: RUDN Publishing House. 2006. – 457 p. (in Russian).
34. Baeva L. V. The Information Age: Metamorphosis of Classical Values, Astrakhan. 2008. – 216 p. (in Russian).
35. Kushnarenko Ya. V. Values and Subject-Object Dichotomy. Bulletin of Tomsk State University, – No. 341. 2010. – P. 43–47. (in Russian).
36. Malinetskii G. G., Skurlyagin A. A. Hume's Guillotine in an Interdisciplinary Context. Philosophical Sciences, – No. 12. 2018. – P. 7–25. (in Russian).
37. Maksimov L. V. Hume's Guillotine: pro et contra. Ethical Thought, – Moscow: Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, – Vol. 12. 2012. – P. 124–142 (in Russian).
38. Turpetko A. On Phenomenological Method in Axiology. Scientific Notes of Taurida National V. I. Vernadsky University, – Vol. 24 (65), – No. 4. 2012. – P. 100–111. (in Russian).
39. Gaidenko P. P. The Moral Nature of Man in the European Tradition of the XIX–XX Centuries. Ethical Thought, 2000. – P. 88–106. (in Russian).
40. Vyzhletsov G. P. Axiology of Culture in the System of Cultural Philosophical Knowledge. Vestnik (Herald) of Novgorod State University, 2016. – No. 16. (in Russian).

Information about the authors

Elena S. Gurenko, post-graduate student, Russian State University named after A. N. Kosygin (Technologies. Design. Art)

Address: ul. Sadovnicheskaya 33, Moscow, Russia

E-mail: ges1000@bk.ru

ORCID: 0000-0002-2237-4033

Elena H. Karpova, Doctor of Education, professor, Head of the Chair of Social Studies and Advertising Communications, Russian State University named after A. N. Kosygin (Technologies. Design. Art)

Address: ul. Sadovnicheskaya 33, Moscow, Russia

E-mail: pedagogikanet@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4062-8957

Philology and linguistics

Филология и лингвистика

УДК 811.111

DOI: 10.29013/AJH-21-9.10-45-54

ГОРШУНОВ Ю. В. ¹ГОРШУНОВА Е. Ю. ²¹ *Бакирский государственный университет (Бирский филиал), Россия*² *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Москва*

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В РАССКАЗАХ С. МОЭМА

Аннотация

Статья посвящена лингвистической и социокультурной характеристике заимствований из восточных языков в рассказах С. Моэма.

Цель: выяснить тематический диапазон этнокультурных реалий, представить их типы и снабдить лингвистической и социокультурной характеристикой.

Методы: методы исследования определяются целью и задачами исследования. Основной метод описательный, реализованный в приемах систематизации, обобщения и интерпретации языкового материала. Лингвистические методы включают контекстный анализ, дефиниционный анализ, этимологический анализ и метод семантической интерпретации.

Результаты: Анализ заимствований из восточных языков в рассказах С. Моэма, действие в которых происходит на Малайе, в Японии, Борнео, Самоа и Таити, выявил, что заимствования представлены словами из ряда языков Юго-Восточной Азии и трех основных регионов Океании (Полинезия, Меланезия и Микронезия). Они охватывают Китай, Японию, Малайзию, острова Новой Гвинеи, Соломоновы острова и ряд других островов в Тихом океане, примыкающих к Австралии и Новой Гвинее. В поле зрения оказались реалии природно-географической среды, этнографические реалии (жилище, предметы домашнего обихода, одежда, еда, питье, титулы), представляющие заимствования из таких языков, как малайский, китайский, хинди, тонга, таити и др. Анализируемые заимствования обозначают понятия, связанные с другими странами и не имеющие английского эквивалента.

Практическая значимость: Предпринятое исследование расширяет и систематизирует наши представления о творчестве Моэма и его манере письма и свидетельствует, что он умело использовал иноязычные слова для создания местного колорита, представляя достоверный образ и живописную картину экзотических мест, в которые он помещает своих персонажей. Материалы статьи, содержащие лингвистический и социокультурный комментарий анализируемых реалий и энциклопедическую информацию, могут быть полезны специалистам в области языкознания, лексикологии, контрастивной лингвистики, лингвострановедения, этнографии и межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: заимствование, восточные языки, этно-ареальный принцип, этнографические реалии, экзотизмы.

Для цитирования: Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Заимствования Из восточных языков в рассказах С. Моэма // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – С. 45–54. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-45-54>

Введение

Внимание авторов статьи привлекли этнографические реалии и их обозначения в так называемых «восточных» рассказах известного английского писателя и драматурга С. Моэма. Ставится цель представить лингвистическую и социокультурную характеристику заимствованиям из ряда языков Юго-Восточной Азии и регионов Океании, в произведениях С. Моэма, действие в которых разворачивается в Борнео, на островах Новой Гвинеи, Китае и Японии и других экзотических местах, которые он посетил в 45-летнем возрасте. На протяжении своей литературной карьеры, длившейся шесть десятилетий, С. Моэм много путешествовал по экзотическим странам Азии, бывал в Океании, работал в британской разведке и со шпионской миссией посещал Россию в разгар Февральской революции 1917 года. Значительную часть своей жизни он провел в путешествиях по миру, поскольку ему постоянно требовался свежий материал для своих произведений.

Описываемые нами заимствования характеризуются как принадлежность «восточных» языков, которые отражают понятие не столько лингвистическое, сколько географическое, причем языки локализованы практически по всему свету за пределами Европы и Америки. Так, на сайте бюро переводов находим перечень «восточных языков», включающий: арабский, амхарский, африканс, бенгальский, вьетнамский, дари, иврит, индонезийский, китайский, корейский, кхмерский, лаосский, маратхи, монгольский, персидский, пушту, сомалийский, суахили, тамильский, тайский, тибетский, турецкий, урду, фарси, хинди, японский [25]. Во многих российских вузах работают кафедры востоковедения или восточных языков, на которых ведется преподавание на восточных языках, например, кафедра восточных языков переводческого факультета МГЛУ ведет обучение по 7 восточным языкам: японскому, корейскому, вьетнамскому, арабскому, персидскому, турецкому и монгольскому языкам [26]. Авторы статьи «Восточные лексические заимствования в современном английском языке», следуя географическому или этно-ареальному принципу, ограничились анализом заимствований из трех «восточных» языков: заимствований японского, китайского и корейского происхождения [6]. Таким образом, к восточным языкам, можно отнести достаточно много

разноструктурных и генетически разнородных языков (например, арабский, турецкий, японский, вьетнамский или хинди), причем они не будут похожи друг на друга. Наше описание заимствований поэтому основано не на генетическом, а на этно-ареальном принципе.

Исследователи творчества широко известного английского писателя и драматурга С. Моэма отмечают его неровный творческий путь: наряду с высокохудожественными произведениями из-под его пера выходили и довольно слабые. Сам он назвал себя одним из ведущих писателей второго ряда [7, с. 400]. Творчество Моэма трудно приписать к какому-либо определенному периоду английской литературы, так как он творил в разных жанрах на протяжении шестидесяти лет. Ни одно десятилетие не назвало его первым писателем. Возможно поэтому в советском литературоведении мы не находим упоминания о его творчестве, зато находим информацию о современниках писателя – Гарди, Киплинге, Конраде, Уэллсе, Конан-Дойле, Стивенсоне, Уайлде, Шоу и др. Так, обходят стороной С. Моэма авторы книги «Английский роман 20 века» [8], «Английская литература XX век» [3], «Литература Великобритании XX века» [4], «На рубеже веков: Очерки английской литературы» [11]. Ситуация изменилась в постсоветское время. Н. П. Михальская, к примеру, в «Истории английской литературы» пишет о С. Моэме уважительно и благосклонно и отводит писателю 8 страниц текста в разделе о литературе периода 1910–1945 годов [7, с. 400–408], отмечая, что большой популярности и признания он достиг благодаря присущему ему мастерству рассказчика, правдивости, отточенности литературной формы, которая была основана на принципе простоты, ясности и благозвучия. [7, с. 400].

Основная часть

Как было отмечено выше, цель статьи – представить лингвистическую и социокультурную характеристику заимствованиям из ряда восточных языков в так называемых «восточных» рассказах С. Моэма, для которого важно было показать судьбу английского характера в экзотически-чуждых обстоятельствах, вдали от привычной цивилизации, когда для английских переселенцев и колониальных чиновников важно было либо соблюсти привычные, английские нормы жизни или пойти на уступки туземному образу жизни, так

как «приживаемость» переселенцев и колониальных чиновников в далеких краях в новых природно-климатических условиях на Малайе, Борнео, Самоа, Таити во многом зависела от их способности адаптироваться к местному климату, непривычной еде, ношению одежды местного покроя [2]. Материалом для двух сборников «восточных» рассказов послужили новые впечатления, в погоне за которыми Моэм отправляется в Китай, а позднее в Малайзию в июле 1919 года. Как признается сам писатель, путешествие по Южным морям неожиданно дало ему подходящий материал. Тема колоний стала определяющей в его творчестве.

Свой интерес к Востоку, восточную тематику своей новеллистики Моэм объяснял желанием заглянуть под «маску культуры, скрывающую подлинные лица», желанием найти и описать человеческие существа в обстоятельствах, где они способны «освободиться от всех пут», выразив «докучную, неотвязную, мучительную сущность своей личности» [12, с. 12].

Основное внимание писатель, как мы отметили, уделял выявлению судьбы английского характера, его стойкости и негибкости или подчинению, в силу каких-то обстоятельств, другому укладу жизни. Малайя Борнео, Самоа для Моэма – не только конкретное местопребывание его героев и географическая перспектива, но и живописные катализаторы, которые проясняют, ускоряют ход и развязку психологических дуэлей между детьми британской цивилизации. Тропики, климат, туземцы выступают как необходимые аксессуары, без которых эти столкновения могли и не состояться, не разрешиться в трагическом событии. [12, с. 14].

Вместе с тем, помещая своих героев в новую чуждую или экзотическую обстановку Юго-Восточной Азии и Океании, С. Моэм умело и живописно воссоздает национально-региональный колорит, останавливая наше внимание на каких-то броских и значимых деталях быта местного населения, которые вынужденно или охотно перенимают переселенцы, и на природно-климатических особенностях региона, влияющих на поведение и образ жизни. Для создания местного колорита С. Моэм заимствует туземную лексику, которую можно охарактеризовать как этнографические реалии, а также ономастические реалии – топонимы (например, Apia, Pago-Pago, Papeete, Perak, Sembulu, Kuala Solor, K.S., Shanghai, Hong-Kong и под.) антропонимы (например, Abas, Ah-Ling) и т.д.

Географические реалии, включающие, прежде всего, обозначения животного и растительного мира,

отражают особенности природно-географической среды. Они придают особый колорит повествованию. Но наиболее значимыми в контексте «восточных» рассказов оказываются собственно этнографические реалии, к которым принято относить прежде всего жилище и предметы домашнего обихода (мебель, посуду, различную утварь), а также одежду, пищу, напитки, реалии транспорта и культурные явления (обычаи, традиции, праздники и т.д.) [10].

Рассмотрим эти типы реалий на примерах заимствований, встреченных нами на страницах рассказов *The Fall of Edward Barnard* («Падение Эдварда Барнарда») [14], *Flotsam and Jetsam* («Обломки кораблекрушения») [16], *The Force of Circumstance* («Сила обстоятельств») [17], *A Friend in Need* («Друг познается в беде») [15], *The Outstation* («На задворках империи») [19], *Rain* («Дождь») [20; 22], *Red* («Рыжий») [21], *The Taipan* («Тайпан») [23; 24].

Первыми на очереди будут заимствования, встречаемые в текстах, действие в которых происходит на Борнео. Жилище и способ проживания отражает слово *kampung* (a Malaysian enclosure or village) – кампунг, малазийское поселение, деревня:

‘What did she want?’

‘Oh, I don’t know. It’s a woman from the *kampung*. She’s had a row with her husband or something’ [17, с. 253].

‘Who is she, d’you know?’

‘She’s one of the girls in the *kampung*’ [17, с. 259].

Английские переселенцы и колониальные чиновники обычно селились в бунгало или бенгало (англ. в *bungalow* ← *хинди* *banglā*) [5, с. 131] – жилища постройки с верандами, сельский дом в тропических странах, главным образом в Индии, Малайзии. Сначала бунгало было домом европейца в Индии, в основном одноэтажным, с верандой по периметру и соломенной крышей, защищавшей его обитателей от палящего солнца. Вероятно, на образование этого слова оказало влияние слово *low* (низкий), так как в большинстве случаев остальные дома были двухэтажными:

There wasn’t a sound in the *bungalow* except now and then the croak of the *chik-chak*. [17, с. 23].

К этой реалии примыкает обозначения *nipa palm* – пальма нипа, листьями которой кроют крыши и *attap* – длинные крепкие листья пальмы нипа, используемые для кровли и стен: On each bank of the river were mangroves and *nipa palms*, and behind them the dense green of the forest [17, с. 256]. As the boat reached the

side a man got out from under the *attap awning* and stepped on shore [19, с. 85].

На общем фоне этнографических реалий выделяются обозначения национальной одежды. Для жителей Борнео – это *саронг* (мужская и женская одежда у народов Юго-Восточной Азии в виде полосы ткани, обертываемой вокруг тела и доходящей до щиколоток) [5, с. 853], *баджу* (рубашка или короткая свободная куртка, которую носят в Малайзии) и *сонгкок* (шляпа, обыч. из черного бархата, незаменимая в официальных случаях; ее носят большинство малайцев), для самоанцев – *лава-лава* (набедренная повязка), а для таитян – *парео*.

But Kong shaved and washed him, and changed the shorts and singlet in which he had been lying ever since he fell ill for a *sarong* and a *baju* [16, с. 45]. Over there in the bungalow, two hundred yards away, Cooper was eating a filthy meal clad only in a *sarong* and a *baju* [19, с. 118].

Саронг носят в Бангладеш, Камбодже, Малайзии, Мьянме, Индии, Индонезии, Полинезии, причем способы завязывания саронга у разных народов отличаются, но во всех случаях его использование служит одной цели – защитить тело от солнца и обеспечить ему вентиляцию снизу в жарком тропическом климате. Баджу – это рубашка до бедра с широкими квадратными рукавами, высокой круглой горловиной и коротким разрезом спереди или короткая свободная куртка, которую носят в Малайзии.

Two Malay boys, in *sarongs* and *songkoks*, with smart white coats and brass buttons, came in, one bearing *gin pahits*, and the other a tray on which were olives and anchovies [19, с. 89]. Традиционный головной убор в Индонезии, Брунее, Малайзии, Сингапуре, на юге Филиппин и Таиланда среди мусульманского населения, сонгкок имеет форму усеченного конуса. Это феска без кисточки. Шляпа изготавливается из черного войлока, хлопка или бархата. *Gin pahit* (букв. «горький джин» на малайском языке) – джин пахит, алкогольный напиток, приготовленный из джина и биттеров Ангостура. Коктейль употреблялся в колониальной Малайе и обычно ассоциируется с британской колониальной эпохой.

В рассказе «Дождь» мы знакомимся с супружеской парой миссионеров, которые начали перевоспитание туземцев с запрета на ритуальные пляски и повсеместное ношение набедренных повязок *lava-lava*, самой подходящей, удобной и практичной для местного климата одежды. *Lava-lava* – набедренная повяз-

ка из набивного ситца (кусоч цельной ткани прямоугольной формы носят так же, как юбку с запахом). Это предмет повседневной одежды самоанцев, традиционно носимый полинезийцами и другими народами Океании. Миссионеры, однако, расценивают эти элементы местной культуры как непристойные и аморальные: “It’s a very indecent costume,” said Mrs. Davidson. “Mr. Davidson thinks it should be prohibited by law. How can you expect people to be moral when they wear nothing but a strip of red cotton round their loins” [20, с. 32].

Что касается парео (*таит. pāreo*; отрез ткани, подвязываемый на бедрах в виде юбки), то этот атрибут (пляжной) одежды обычно приписывают женщинам, но на Таити, судя по рассказу The Fall of Edward Barnard, его носят и мужчины, так как это очень удобная одежда в тропиках:

“We’ll go down and bathe. Let us have a couple of *pareos*.”

The woman nodded and went into the house. <...> They undressed and Edward showed his friend how to make the strip of red trade cotton which is called a *pareo* into a very neat pair of bathing drawers [14, с. 192].

В рассказе The Fall of Edward Barnard осевшие на Таити американцы – прожженный мошенник из богатой семьи Арнольд Джексон и молодой, подававший надежды бизнесмен Эдвард Барнард, сменили образ жизни, приспособились к новым условиям, переняли некоторые привычки местного населения. Порвав с цивилизацией, Арнольд Джексон, неплохо устроился в новых условиях. Он с удовольствием ест местную пищу, которую искусно готовит жена-таитянка, носит удобную одежду и после работы переодевается в парео, ходит босым: Arnold Jackson, no longer in spruce ducks, wore nothing but a *pareo* round his loins and walked barefoot. His body was deeply browned by the sun. With his long, curling white hair and his ascetic face he made a fantastic figure in the native dress, but he bore himself without a trace of self-consciousness [14, с. 193]. <...> “It’s a comfort to get into a *pareo* when one gets back from town,” said Jackson. “If you were going to stay I should strongly recommend you to adopt it. It’s one of the most sensible costumes I have ever come across. It’s cool, convenient, and inexpensive” [14, с. 193–194].

Упомянем также *terai* – широкополую шляпу тераи из фетра, с высокой тульей, которую носят в основном путешественники в субтропических регионах. Происхождение слова в английском языке датируют

концом XIX века: из *хинди tarāi* «болотистые низины». Шляпа названа в честь региона Тераи в Непале:

Grange had just come in from his round of the estate and wore dirty shorts, a khaki shirt open at the neck, and an old *terai hat*. He looked as shabby as a beachcomber [16, с. 46].

Обратимся к этнографическим реалиям, имеющим отношение к жилищу и внутреннему убранству – предметам домашнего обихода, включая мебель, посуду, различную утварь.

Когда героиня рассказа «Сила обстоятельств» впервые входит в дом мужа, она видит неопрятное и неприбранное жилище холостяка, в котором есть предметы местной культуры, но которое лишено женской заботы и вкуса: на полу лежала рваная грязная циновка; на стенах из некрашеного дерева висели (слишком высоко) фотогравюры, а также даякские щиты и паранги (*Dyak shields and parangs*). Столы были покрыты даякскими скатерками мрачных цветов (*Dyak cloth in sombre colours*), на которых стояли предметы из брунейской бронзы, очень нуждающиеся в чистке, пустые банки из-под сигарет и мелкие предметы из малайского серебра. Для нас в данном контексте интересен этноним *Dyak* (малайск.) – даяк, представитель многочисленных индонезийских племен с острова Борнео или островов Сула (a member of a group of indigenous peoples inhabiting parts of Borneo, including the Iban (or Sea Dayak) of the north, the Land Dayak of the south-west, and the Punan) и артефакты даякской культуры, в частности, *parang* (малайск.) паранг (большой малайский нож). В этой связи приведем аналогичный пример малайского ножа, который в рассказе «На окраине империи» стал орудием убийства: The fool! Did he know so little of the Malays as to think he could safely injure them? It would serve him damned well right if he got a *kris* in his back. A *kris*. [19, с. 120]. *Kris* (Mal.) a double-edged Malay dagger with a ridged serpentine blade – малайский кинжал, нож с двойным лезвием и волнистым клинком.

Мебель в жилищах малазийцев часто сделана из ротанга или раттана. Стулья и кресла, например, изготавливаются из плетеных полос стеблей ротанга, тропической вьющейся ротанговой пальмы, произрастающей в Юго-Восточной Азии (возможно от *малайск raut* 'pare, trim' – стричь, подрезать):

He lay down in a long *rattan* chair and went on reading [16, с. 42].

Еда и напитки представлены заимствованиями из полинезийских языков. Описывая шумный и яркий

рынок в Паго-Паго (морской порт и административный центр Американского Самоа) в рассказе «Дождь», С. Моэм сообщает, что в расчете на выгоду сюда приехала со всех концов острова толпа нетерпеливых, шумных и добродушных туземцев, одни из любопытства, другие для обмена с путешественниками, направлявшимися в Сидней; они принесли ананасы и огромные связки бананов, ткани тапа (*tapa cloth*), ожерелья из раковин или акулиных зубов, чаши для кавы (*kava-bowls*) и модели военных каноэ. В данном контексте, *tapa* – ткань из коры *тапы* (бумажной шелковицы или бруссоцеции бумажной), используемая на островах Тихого океана. *Kava-bowls* – чаши (посуда) для хранения кавы, опьяняющего напитка, приготовленного из измельченного корня растения семейства перцовых (Origin: late 18th cent.: from *Tongan*).

Кавой, обладающей легким опьяняющим или успокаивающим действием, угощают гостей и посетителей: The old crone who shared the hut with Sally invited him to come in and sit down. She gave him *kava* to drink and cigarettes to smoke [21, с. 266].

В категорию еды и напитков мы условно относим табак, в частности сигареты-самокрутки из листьев пандануса, тропического дерева с волокнистыми съедобными плодами. Из длинных узких и колючих листьев пандануса делают волокно, идущее на изготовление циновки и как материал для кровли:

The *pandanus cigarettes* that Sally made him with untiring hands were strong and pleasant enough to smoke, but they left him unsatisfied: and he yearned on a sudden for real tobacco, hard, rank, and pungent [21, с. 261].

Несколько заимствований обозначают средства передвижения на воде. Это, прежде всего, *prahu* – проа (или праху) – быстрая легкая безпалубная индонезийская лодка, представляющая собой чрезвычайно узкое длинное судно, на одном из бортов которого есть балансир в виде бревна. Балансир связан с корпусом двумя деревянными балками. Парусная лодка проа обычно имеет большой треугольный парус и выносные уключины и может идти любым концом вперед. Проа характерны в первую очередь для Малайского архипелага и островов Южного Тихого океана.

When the Resident, Mr. Warburton, was told that the *prahu* was in sight he put on his *solar topee* and went down to the landing-stage [19, с. 84]. Здесь *solar topee* (также *topi* – from Hindi 'opī 'hat) – тропический шлем от солнца (пробковый или из люфы).

Two or three days passed by. It was a Tuesday and the *prahu* was to start at dawn on Thursday to await the steamer [17, с. 273].

В рассказе «Друг познается в беде», описывая гавань Йокोगамы, С. Моэм перечисляет суда и суденышки, среди которых интерес для нас представляют *junks* и *sampans*: There were great liners on their way to Vancouver and San Francisco or to Europe by way of Shanghai, Hong-Kong, and Singapore; they were tramps of all nations; battered and sea-worn, *junks* with their high sterns and great coloured sails, and innumerable *sampans* [15, с. 230].

Junk – джонка [малайск. *djong* ← искаж. кит. *chuanj* судно] – распространенный в Китае тип парусного грузового судна с широкими и высоко поднятыми носом и кормой [5, с. 225], лёгкое китайское судно (обычно парусное) с тупым носом и высоко поднятой кормой.

Sampan – китайская дощатая плоскодонная лодка, иногда с навесом [5, с. 622], используемая в Восточной Азии (от китайского *сан-бан*, от *сан* «три» + *бан* «доска»).

Природно-географическую специфику региона отражают местные названия растений и животных. Выше мы приводили некоторые примеры названий растений (*nipa palm*, *pandanus*, *tapa*). В рассказе «На окраине империи» есть упоминание кассии. *Cassia* – многолетнее растение, распространенное в тропиках и субтропиках; ароматная кора восточноазиатского дерева, дающая низший сорт корицы, иногда используется для фальсификации настоящей корицы: And the trees of the jungle over the water were heavy with a breathless menace. No bird sang. No breeze ruffled the leaves of the *cassias*. All around him it seemed as though something waited [19, с. 125–126].

Животный мир представлен словом *chik-chak* (малайск.) чик-чак, большая (до 60 см) кричащая ящерица: For two minutes perhaps they sat there without a word. She startled when the *chick-chak* gave its piercing, hoarse and strangely human cry [17, с. 276]. The *chick-chak* was noisy that night and his hoarse and sudden cry seemed to mock him. You could hardly believe that this reverberating sound came from so small a throat <...> The *chick-chak* laughed harshly [17, с. 278].

Завершим описание заимствований из восточных рассказов С. Моэма примерами вежливых и почти-тельных обращений применительно к чиновникам, занимающих высокие или престижные посты.

Tuan (малайск.) малайское слово, обозначающее господин, сэр (обычно применяется к европейцам):

‘*Tuan*, the assistant *tuan* is a bad man. Abas wishes again to leave him.’

‘Let him wait a little. I shall write to Kuala Solor and ask that *Tuan Cooper* should go elsewhere’ [19, с. 117].

“Shall Abas give himself up, *Tuan*?”

“It would be wise of him” [19, с. 128].

Taipan – тайпан (кит.) влиятельный бизнесмен, иностранец по происхождению; в Китае или Гонконге: The *taipan* thrust out his jaw pugnaciously as he thought of the incident [24, с. 219].

Выводы

Таким образом, мы рассмотрели несколько типов реалий на примерах заимствований, встреченных нами на страницах так называемых «восточных рассказов» С. Моэма. В поле зрения оказались реалии природно-географической среды, ономастические реалии, этнографические реалии (жилище, предметы домашнего обихода, одежда, еда, питье, титулы), представляющие заимствования из таких языков, как малайский, китайский, хинди, тонга, таити и др. Анализируемые заимствования обозначают понятия, связанные с другими странами и не имеющие английского эквивалента. Обычно их квалифицируют как экзотизмы, которые определяются как иноязычные слова или выражения, обозначающие незнакомую вещь или понятие, свойственные материальной и духовной культуре другого народа и употребляемые для придания речи особого (местного) колорита [9]. Такие заимствования обычно попадают в категорию частично ассимилированных слов [1]. Для иноязычного читателя они представляют определенную трудность. Более полной их семантизации способствует подключение пояснения в виде культурной сноски или этимологической справки.

С. Моэм умело использовал иноязычные слова для создания местного колорита, представляя достоверный образ и живописную картину экзотических мест, в которые он помещает своих персонажей.

Моэм назвал сам себя лучшим из второстепенных писателей, но жизнь опровергает эту оценку: мы вправе отнести его к лучшим писателям XX века. Одно время он был феноменально популярен, круг его читателей был намного более обширный, чем у большинства писателей-современников. Но и сегодня Моэм по-прежнему один из самых популярных и читаемых писателей во всем мире.

Список литературы

1. Глимнурова Э. Ф., Горшунов Ю. В. Новые экзотизмы в современном английском языке // Международная научно-практическая конференция «Творческое наследие Хадии Давлетшиной и актуальные проблемы современной филологии. VII даветшинские чтения». Бирский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет. 5 марта 2020. – С. 128–131.
2. Горшунов Ю. В., Горшунова Е. Ю. Проблемы межкультурной коммуникации в восточных рассказах С. Моэма // Проблемы теории и методики профессионального лингвистического образования: материалы I международной научно-практической конференции (18 сентября 2018, Казань). – Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2018. – 236 с. ISBN 978-5-8399-0646-4. – С. 79–84
3. Ивашева В. В. Английская литература XX век. – М.: Просвещение, 1967. – 476 с.
4. Ивашева В. В. Литература Великобритании XX века. – М.: Высш. школа, 1984. – 488 с.
5. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 2002. – 856 с.
6. Мирзанова Р. Ф., Болотова Е. В. Восточные лексические заимствования в современном английском языке // Вестник Башкирского университета. – Т. 25. – № 3. 2020. – С. 635–640.
7. Михальская Н. П. История английской литературы. – М.: Издательский центр «Академия», 2006. – 480 с.
8. Михальская Н. П., Аникин Г. В. Английский роман 20 века. – М.: Высш. школа, 1982. – 192 с.
9. Розенталь Д. Э. и Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.
10. Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. – Москва: Высш. шк., 1988. – 239 с.
11. Урнов М. В. На рубеже веков: Очерки английской литературы. – Наука, 1970. – 432 с.
12. Шестаков Д. П. Предисловие // Моэм, Сомерсет. Дождь и другие рассказы. – Изд-во «Прогресс», 1977. – 407 с.
13. Making it all right. Modern English Short Stories / Современный английский рассказ (на англ. яз.). Progress Publishers. – Moscow, 1987. – 458 с.
14. Maugham W. S. The Fall of Edward Barnard // in: Rain and Other Short Stories. – С. 165–212.
15. Maugham W. S. A Friend in Need // in: Selected Prose.
16. Maugham W. S. Flotsam and Jetsam // in: Selected Short Stories. Сб. на англ. яз. – Составитель Н. А. Самуэльян. – М.: Изд-во «Менеджер», 2000.
17. Maugham W. S. The Force of Circumstance // in: Making it all right. Modern English Short Stories. Progress Publishers. – Moscow, 1987. – С. 250–279.
18. Maugham W. S. Selected Short Stories. Сб. на англ. яз. – Составитель Н. А. Самуэльян. – М.: Изд-во «Менеджер», 2000. – 320 с.
19. Maugham W. S. The Outstation // in: Rain and Other Short Stories. – С. 84–128.
20. Somerset W. Maugham. Rain // in: Rain and Other Short Stories. – С. 25–83.
21. Somerset W. Maugham. Red // in: Rain and Other Short Stories. – С. 242–273.
22. Somerset W. Maugham. Rain and Other Short Stories. Progress Publishers, Moscow, 1977. – 407 р. / Моэм, Сомерсет. Дождь и другие рассказы (на англ. яз.). – Изд-во «Прогресс», 1977. – 407 с.
23. Maugham W. S. Selected Prose. Сб. на англ. яз. Изд. 3-е. – Составитель Н. А. Самуэльян. – М.: Изд-во «Менеджер», 2002. – 328 с.
24. Maugham W. S. The Taipan // in Selected Prose. Сб. на англ. яз. Изд. 3-е. – Составитель Н. А. Самуэльян. – М.: Изд-во «Менеджер», 2002.
25. URL: <http://enlingvo.ru/uslugi/yazyki/vostochnye>
26. URL: <https://linguanet.ru/fakultety-i-instituty/perevodcheskiy-fakultet/kafedra-vostochnykh-yazykov>

Сведения об авторах:

Горшунов Юрий Владимирович, д.ф.н., профессор Башкирского государственного университета (Бирский филиал) (Россия, г. Бирск), Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык, межкультурная коммуникация

Адрес: 452450, г. Бирск, ул. Ленина 41, Башкортостан, Российская Федерация

E-mail: gorshunov_@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4389-4385

Горшунова Елизавета Юрьевна – к.филол.н., доцент РАНХиГС (Россия, г. Москва), Сфера научных и профессиональных интересов: общее и частное языкознание, социолингвистика, словообразование, лексикология, ономастика, фразеология, семантика, стилистика, прагматика, риторика, английский язык, межкультурная коммуникация.

Адрес: г. Москва, ул. Никитина 240, кв. 4, Российская Федерация

E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4738-8228

Yu. V. GORSHUNOV¹

E. Yu. GORSHUNOVA²

¹ *Bashkir State University at Birk, Russia*

² *Russian Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Moscow*

BORROWINGS FROM ORIENTAL LANGUAGES IN S. MAUGHAM'S STORIES

Abstract

The article is devoted to the linguistic and sociocultural characteristics of borrowings from oriental languages in the stories by Maugham.

Objective: The purpose of the article is to find out the thematic range of ethnic-culture-bound linguistic items, to present their types and provide them with linguistic and sociocultural characteristics.

Methods: the research methods are determined by the purpose and objectives of the research. The main method is descriptive, implemented in the techniques of systematization, generalization and interpretation of linguistic material. Linguistic methods include contextual analysis, definitional analysis, etymological analysis, and semantic interpretation.

Results: Analysis of borrowings from oriental languages in S. Maugham's stories, which are set in Malaya, Japan, Borneo, Samoa and Tahiti, revealed that borrowings are represented by words from a number of languages of South-East Asia and three main regions of Oceania (Polynesia, Melanesia and Micronesia). They cover China, Japan, Malaysia, the islands of New Guinea, the Solomon Islands and a number of other islands in the Pacific Ocean adjacent to Australia and New Guinea. Information is provided for the culture-specific terms referring to the natural-geographical environment, ethnographic terms (denoting dwelling, household items, clothing, food, drink, titles). They represent

borrowings from such languages as Malay, Chinese, Hindi, Tonga, Tahiti, etc. and are viewed as items of other lingual cultures having no English equivalent.

Practical relevance: The undertaken research expands and systematizes our understanding of Maugham's work and his writing style and shows that he skillfully used foreign words to create local color, presenting a reliable image and picturesque picture of exotic places in which he places his characters. The material of the article containing the linguistic and sociocultural commentary on the analyzed cultural items and encyclopedic information can be useful for specialists in the fields of linguistics, lexicology, contrastive linguistics, linguistic and cultural studies, ethnography and intercultural communication.

Keywords: borrowing, oriental languages, ethno-areal principle, ethnographic culture-determined items, exotic words.

References:

1. Glimnurova E. F., Gorshunov Yu. V. Novyye ekzotizmy v sovremennom angliyskom yazyke // Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Tvorcheskoye nasledie Khadii Davletshinoy i aktual'nyye problemy sovremennoy filologii. VII DAVLETSHINSKIYE CHTENIYA". Birskiy filial FGBOU VO "Bashkirskiy gosudarstvennyy universitet". 5 marta 2020. – P. 128–131.
2. Gorshunov Yu.V., Gorshunova Ye.YU. Problemy mezhkul'turnoy kommunikatsii v vostochnykh rasskakh S. Moema // Problemy teorii i metodiki professional'nogo lingvisticheskogo obrazovaniya: materialy I mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (18 sentyabrya 2018, Kazan'). – Kazan': Izd-vo "Poznaniye" Kazanskogo innovatsionnogo universiteta, 2018. – 236 p. ISBN978-5-8399-0646-4. – P. 79–84.
3. Ivasheva V. V. Angliyskaya literatura XX vek. – M.: Prosveshcheniye, 1967. – 476 p.
4. Ivasheva V. V. Literatura Velikobritanii XX veka. – M.: Vyssh. shkola, 1984. – 488 p.
5. Krysin L. P. Tolkovyy slovar' inoyazychnykh slov. – 4-ye izd., stereotip. – M.: Russkiy yazyk, 2002. – 856 p.
6. Mirzazanova R. F., Bolotova Ye. V. Vostochnyye leksicheskiye zaimstvovaniya v sovremennom angliyskom yazyke // Vestnik Bashkirskogo universiteta. – T. 25. – No. 3. 2020. – P. 635–640.
7. Mikhalskaya N. P. Istoriya angliyskoy literatury. – M.: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya", 2006. – 480 p.
8. Mikhalskaya N.P., Anikin G. V. Angliyskiy roman 20 veka. – M.: Vyssh. shkola, 1982. – 192 p.
9. Rozental' D.E. i Telenkova M. A. Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov. Izd. 2., ispr. i dop. – M.: Prosveshcheniye, 1976. – 543 p.
10. Tomakhin G. D. Realii-amerikanizmy. – Moskva: Vyssh. shk., 1988. – 239 p.
11. Urnov M. V. Na rubezhe vekov: Ocherki angliyskoy literatury. – Nauka, 1970. – 432 p.
12. Shestakov D. P. Predisloviye // Moem, Somerset. Dozhd' i drugiye rasskazy. – Izd-vo "Progress", 1977. – 407 p.
13. Making it all right. Modern English Short Stories / Sovremennyy angliyskiy rasskaz (na angl. yaz.). Progress Publishers. – Moscow, 1987. – 458 p.
14. Maugham W. S. The Fall of Edward Barnard // in: Rain and Other Short Stories. – P. 165–212.
15. Maugham W. S. A Friend in Need // in: Selected Prose.
16. Maugham W. S. Flotsam and Jetsam // in: Selected Short Stories. Sb. na angl. yaz. – Sostavitel' N. A. Samuel'yan. – M.: Izd-vo "Menedzher", 2000.
17. Maugham W. S. The Force of Circumstance // in: Making it all right. Modern English Short Stories. Progress Publishers. – Moscow, 1987. – P. 250–279.
18. Maugham W. S. Selected Short Stories. Sb. na angl. yaz. – Sostavitel' N. A. Samuel'yan. – M.: Izd-vo "Menedzher", 2000. – 320 p.
19. Maugham W. S. The Outstation // in: Rain and Other Short Stories. – P. 84–128.
20. Somerset W. Maugham. Rain // in: Rain and Other Short Stories. – P. 25–83.
21. Somerset W. Maugham. Red // in: Rain and Other Short Stories. – P. 242–273.
22. Somerset W. Maugham. Rain and Other Short Stories. Progress Publishers, Moscow, 1977. – 407 p. / Muagham, Somerset. Dozhd' i drugiye rasskazy (na angl. yaz.). – Izd-vo "Progress", 1977. – 407 p.
23. Maugham W. S. Selected Prose. Sb. na angl. yaz. Izd. 3-ye. – Sostavitel' N. A. Samuel'yan. – M.: Izd-vo "Menedzher", 2002. – 328 p.

24. Maugham W. S. The Taipan // in Selected Prose. Sb. na angl. yaz. Izd. 3-ye. – Sostavitel' N. A. Samuel'yan. – M.: Izd-vo "Menedzher", 2002.
25. URL: <http://enlingvo.ru/uslugi/yazyki/vostochnye>
26. URL: <https://linguanet.ru/fakultety-i-instituty/perevodcheskiy-fakultet/kafedra-vostochnykh-yazykov>

Information about the authors

Yury V. Gorshunov, Doctor of Philology, Professor of Bashkir State University, Birsik Branch

Address: 452450, Birsik, Bashkortostan, Russia, 41 Lenin str.

E-mail: gorshunov_@rambler.ru

ORCID: 0000-0003-4389-4385

Elizaveta Yu. Gorshunova, Candidate of Science, Associate Professor of Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, Moscow

Address: Moscow, Russian Federation, 4 Nikitin str., apt. 240, Moskovski

E-mail: ms.gorshunova@gmail.com

ORCID: 0000-0003-4738-8228

ИВАНЯН Е. П.¹ОСИПОВА Н. Д.¹¹ Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Россия

ПЕРИФЕРИЯ ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ОТОНИМНЫХ НАИМЕНОВАНИЙ КОНФЕТ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ФАБРИК: СТРУКТУРА И ТЕНДЕНЦИИ

Аннотация

Цель: моделирование периферии ономастического поля современных отонимных российских наименований конфет, и анализ потенциала перемещения данных прагматонимов от периферии к центру поля.

Актуальность: понимание организации поля позволит судить об общих закономерностях и специфике современной российской прагматониимики

Методы: описания, системного анализа, группировки данных, обобщения.

Результаты: на основе анализа исследований по ономастике и истории российских кондитерских фабрик выделены основные особенности современного этапа развития российской прагматониимики; с учетом специфики языкового материала сформулированы факторы деления ономастического поля отонимных прагматонимов – наименований конфет российских фабрик, а именно, фактор адресата, фактор узнаваемости и денотативная частотность; в соответствии с вышеназванными принципами определены единицы периферии ономастического поля отонимных наименований конфет; с учетом прагматического потенциала данных наименований выделены зоны ближней и дальней периферии; описаны основные приемы номинации в зоне ближней периферии; выявлена тенденция продвижения прагматонимов – наименований конфет ближней периферии к центру ономастического поля: чем более выражена прагматическая нагрузка наименования, тем выше вероятность его перехода в зону центра.

Научная новизна: в статье впервые описаны принципы моделирования ономастического поля отонимных прагматонимов – современных российских наименований конфет, осуществлен анализ периферии данного поля.

Практическая значимость: результаты и выводы исследования будут полезны для моделирования ономастических полей других коммерческих номинаций.

Ключевые слова: прагматоним; отонимный прагматоним; наименования конфет; ономастическое поле; периферия ономастического поля.

Для цитирования: Иванян Е. П., Осипова Н. Д. Периферия ономастического поля отонимных наименований конфет современных российских фабрик: структура и тенденции // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, 2021, № 9–10. – С. 55–62. DOI: <https://doi.org/10.29013/AJH-21-9.10-55-62>

Введение

Ценность полевого подхода состоит в возможности детального структурирования языка и отслеживания отношений различного уровня сложности между компонентами языковой системы [1].

Исследованием товарных знаков и рекламных имен занимались О. В. Врублевская [2], И. В. Крюкова [3; 4], Т. П. Романова [5], И. И. Файзуллина [6],

О. Е. Яковлева [7] и др. Предполагаем, что отонимные прагматонимы отражают пласт наиболее актуальных для носителей русского языка имен собственных. Вторичные онимы порождают преломление многих смыслов (идеологических, культурно-исторических ассоциаций), что обуславливает насущную актуальность комплексного рассмотрения поля отонимных названий конфет. О. В. Врублевская среди

зон повышенной активности ономастической моды выделяет, в том числе, рекламные имена, отмечая в качестве признака их актуальности «постоянную эволюцию их состава и формы в связи с изменениями в социально-экономической, политической и культурной жизни общества, а также в представлениях носителей русского языка о современных и престижных именах» [2, с. 32].

При создании периферийных рекламных названий новые онимы изобретаются, допускается свободное обращение с языковым материалом. Важные функции прагматонимов (кроме назывной, дифференцирующей и характеризующей) – ориентирующая, рекламная.

Материалом исследования послужили **429** отонимных прагматонимов – наименований конфет **68** российских кондитерских фабрик.

Рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть исторические закономерности развития товарных знаков в России. Отметим лишь несколько особенностей, которые наблюдаются в настоящее время в сфере российских прагматонимов – наименований конфет. Современный этап прагматониимики начинается после 1992 г., когда в Российской Федерации был принят Закон о товарных знаках. Многие известные наименования конфет, ставшие к этому времени общероссийскими брендами, были запатентованы крупными фабриками («Рот Фронт», «Красный Октябрь», «Кондитерская фабрика Самойловой» и др.), которые в 2002–2003 гг. вошли в холдинг «Объединённые кондитеры». С этого времени наблюдается тенденция использования современными номинаторами различных вариаций брендовых наименований, а также вербальных и невербальных отсылок к ним (подробнее об этом [8]). В связи с этим возникают квазибрендовые названия – копионимы. Лингвистические копионимы (юридически зарегистрированные как товарный знак), апеллирующие к известным брендам, осуществляют скрытое воздействие на потребителя, побуждая покупать продукт из ностальгических соображений.

Результаты исследования

При рассмотрении ономастических полей В. И. Супрун выделяет в их структуре ядро, центр (околяядерное пространство) и периферию [9, с. 6]; мы солидаризируемся с подобным структурированием. Между тем специфика отонимных прагматонимов – наименований конфет не позволяет следо-

вать данному структурированию полностью. В связи с этим предлагаем следующие **принципы моделирования** ономастического поля отонимных наименований конфет современных российских фабрик. Назовем их.

1. Узнаваемость отонимного прагматонима – названия конфеты носителями русской лингвокультуры, что, в частности, можно отследить по бытованию данных прагматонимов в некоммерческом русском дискурсе: художественной литературе, СМИ, устной речи и проч.

2. Денотативная частотность, которая является спецификой данного ономастического поля: имеем в виду представленность данных отонимных прагматонимов – названий конфет на территории Российской Федерации. Конфеты небольших региональных фабрик можно приобрести лишь в магазинах данного региона, они практически не имеют выхода на всероссийский рынок; напротив, брендовые конфеты широко представлены на всём пространстве Российской Федерации.

3. Ориентация на определённого адресата – так называемые отадресатные наименования, которые «сегментируют целевую аудиторию по гендерным, возрастным, социальным, имущественным, этническим и другим существенным характеристикам» [5].

В соответствии с вышеназванными принципами моделируем структуру ономастического поля отонимных прагматонимов – современных названий конфет российских фабрик. В рамках нашего исследования распределяем отонимные наименования конфет (**429** прагматонимов) следующим образом:

1. К ядру относим наименования, легко узнаваемые носителями русской лингвокультуры (брендовые). Под термином *бренд* понимаем «символическое воплощение комплекса информации, связанного с определённым продуктом или услугой» [10, с. 21] (название, логотип и другие визуальные эффекты). Отмечается, что «брендом становится такой товар, который среди определенной целевой аудитории отвечает следующим условиям: занимает четкую рыночную нишу; звучит как синоним слова или имеет четкое определение; отличается наличием качественных ассоциаций» [10, с. 21]. Приведем примеры таких прагматонимов – названий конфет: «Куйбышевские» («Добрые вести» («Фабрика Лактомелия»), г. Самара), «Буревестник» («Красный Октябрь», г. Москва) и др. Эти прагматонимы – названия кон-

фет представлены неединичными примерами в «Национальном корпусе русского языка» [11]. Многие из этих наименований восходят к дореволюционному периоду (до 1917-го г.), напр.: «А ну-ка, отними!», «Мишка косолапый» или к 50–70-м гг. XX в.: «Красная шапочка», «Золотой ключик», «Кара-Кум» и др. Данные бренды для носителей русской лингвокультуры являются своеобразными кондитерскими символами определенной эпохи или региона. Такие прагматонимы составляют около 3% от общего количества отонимных наименований конфет. Отметим, что здесь и проявляется специфика моделирования данного ономастического поля: частотность денотативного бытования этого вида прагматонимов в русском дискурсе значительно выше, чем частотность других прагматонимов, т.е. прагматонимов, относимых нами к центру и периферии поля. Тогда как в общем количественном отношении, число прагматонимов, входящих в центр и периферию поля, значительно преобладает: иными словами, последних прагматонимов значительно больше, но они представлены локально (напр., в какой-то из областей Российской Федерации), почти неизвестны большинству носителей русской лингвокультуры, какие-то из данных отонимных прагматонимов фиксируются фабриками, но не вышли в производство и др.

2. Центр представлен квазибрендовыми наименованиями, копионимами, в терминологии Я.А. Дударевой [12, с. 156]. Подобные наименования у потенциальных покупателей вызывают ассоциации, восходящие к названиям-брендам; составляет 9% отонимных прагматонимов. Ассоциативная отсылка может быть вербальной или невербальной, на уровне семиотической составляющей прагматонима, напр.: прагматоним «Байкальская белочка» («Ангара», г. Иркутск) – это отсылка к советскому грильяжу «Белочка»; прагматоним «Краскоша – друг Буревестника» («Краскон» г. Красноярск) порождает у потенциальных покупателей ассоциации с брендовым прагматонимом «Буревестник».

3. **Периферия** поля отонимных наименований конфет составляет более 85% языкового материала и представлена в основном малоизвестными региональными прагматонимами. В её структуре представлены зоны ближней и дальней периферии.

Ближняя периферия (около 40% от общего количества отонимных наименований конфет) характеризуется усилением прагматического потенциала

того или иного прагматонима. В данном сегменте наиболее ярко наблюдается ориентация современного отечественного нейминга на креативные номинации.

В ближней периферии наблюдается центростремительное движение прагматонимов. За счет сильных прагматических потенциалов наименования номинаторы расширяют потребительскую аудиторию, выходят на всероссийский уровень, подобные прагматонимы приобретают узнаваемость. Потребители не остаются равнодушными к новым игровым номинациям, проявляют интерес, анализируют наименование и дизайн упаковки, о чём свидетельствуют отзывы на сайтах otzovik.com, IRecommend.ru и др. Причем эмоции, порождаемые прагматонимом, различны: вызывают улыбку, недоумение или возмущение, напр. прагматоним «Нате-нька» («Вольский кондитер», г. Саратов) вызвал бурю эмоций потребителей: смех, удивление, негодование. Цепляя внимание потенциального потребителя, прагматоним становится узнаваемым, что обуславливает возможность продвижения к центру ономастического поля. Языковая игра нередко находится в противоречии с лингвоэкологией, см., напр.: [13–15]. Языковая игра, разрушающая стереотипы написания, вводящая элементы латиницы или собственно латиницу, нарушает лингвоэкологию русского дискурса, снижает потенцию узнаваемости прагматонима носителями русского языка старшего поколения и вызывает повышенный интерес потенциального потребителя младшего поколения русской лингвокультуры, что повышает потенциал вхождения прагматонима в центр ономастического поля. Приведем примеры подобных прагматонимов: «Little miss Nikky» (Кондитерский центр Мерлетто, Липецкая обл.), «Земфира» (Кондитерская фирма «Такф», г. Тамбов), обращение к латинице противоречит принципу русской лингвоэкологии.

В рамках ближней периферии представлено несколько видов прагматонимов – названий конфет.

1. Прагматонимы образованы на основе языковой игры:

а) **фонетической** («Алина-малина» («Славянка» г. Старый Оскол), «Антошка-картошка» («Такф», г. Тамбов). В данных примерах языковая игра реализуется за счёт рифмовки. Прагматоним «Рио-Рио» («Самарский кондитер», г. Самара) образован за счет приема редупликации (повторения оттопонимного компонента *Рио*).

б) **лексико-семантической**, к примеру, прагматоним «Герасим и Му-му» («Шоколадные традиции», г. Новосибирск) построен на контаминации значений онима *Му-му* (антропоним *Герасим* отсылает к произведению И. С. Тургенева, однако на упаковке вместо собаки изображена корова). В прагматониме «Ёжик кот» («Сладуница», г. Омск) оним *Ёжик* сочетает семантику эвфемизма и притяжательного прилагательного, образованного от антропонима *Яга*, связь с которым подчеркивается изображением на упаковке (кот верхом на метле). Часто используется приём трансонимизации, к примеру, в прагматонимах «Евгеша», «Харитоша» («КДВ Воронеж», Воронежская обл.), «Озорник Ерошка», «Майка» («Sweet life» Пензенская обл.); антропонимы переходят в разряд зоонимов, о чем свидетельствуют иллюстрации на упаковках (такса, заяц, корова).

2. Персонализация прагматонима с использованием фиктонимов (антропонимов, топонимов, зоонимов). Многие номинаторы создают персонализации, создавая для своей продукции персонажей и целые миры. Яркий пример такого подхода – кондитерская фабрика «Краскон» (г. Красноярск), их прагматоним «Краскоша», имеющий яркий запоминающийся образ, ср.: [16]. Пользуются популярностью у потребителей серии с прагматонимами – персонализациями «Ореховичи» и «Фруктовичи» производителя «Озерский сувенир» (г. Озёры, Московская обл.): «Груша Борисовна», «Фундук Петрович» и др. В данных прагматонимах ярко выражена категория одушевленности, на которой построена игра с потребителем. К примеру, в прагматониме «Курага Петровна с миндалем» неодушевленное (*курага*) приобретает характерные антропонимические черты посредством добавления отчества *Петровна*, что подкреплено также семиотической составляющей прагматонима: на упаковке курага и миндаль изображены как антропоморфные существа (в шляпе, очках). Персонаж *Краскоша* также имеет выраженные черты одушевленного существа (дракона).

3. Прагматонимы с опорой на прецедентный оним (литературный, мифологический, исторический, из кино или театра). Успешным коммерческим решением, на наш взгляд, можно считать серию прагматонимов – названий конфет «12 подвигов Геракла» («Сибирь», Иркутская обл.), основанную на древнегреческой мифологии: «Геракл и Немейский лев», «Геракл и Симфалийские птицы», «Ге-

ракл и Лернейская гидра», «Геракл и Эриманфский вепрь», «Геракл и двор царя Авгея», «Геракл и Керинейская лань», «Геракл и Критский бык», «Геракл и пояс Иполиты», «Геракл и кони Диомеда», «Геракл и коровы Гериона», «Геракл и яблоки Гесперид», «Геракл и Цербер». Семиотический компонент (иллюстрации на упаковке) прагматонима отражает основные сюжетные вехи мифов о Геракле. На обороте упаковки присутствует краткое описание соответствующего подвига Геракла, что, несомненно, делает актуальным названный прагматоним для детской аудитории. Образы данного цикла древнегреческой мифологии являются элементом не только русской, но и европейской лингвокультуры, что также расширяет прагматический потенциал наименований. Отметим, что это не единственный серийный выпуск прагматонимов фабрики «Сибирь». Также в продаже серия конфет «В гостях у сказки», среди которых есть такие отонимные наименования, как «Соловей-разбойник», «Змей Горыныч», «Серебряное копытце», «Снежная Королева», «Василиса Прекрасная» и «Топтыжка». Упаковка таких конфет также имеет яркий тематический дизайн. Серия «Вокруг света» представлена тремя отонимными прагматонимами: «Тайны Египта», «Английский стиль» и «Французский поцелуй», которые ориентированы на более взрослую потребительскую аудиторию.

4. Прагматонимы, актуализирующие патриотические и ностальгические чувства потребителя: «Любимый город Пермь» (Пермская кондитерская фабрика, г. Пермь), «Любимый край Белогорье» («Славянка», г. Старый Оскол), «Москва. Счастливые моменты» («Красный Октябрь», г. Москва).

Дальняя периферия (примерно 45% от общего количества отонимных прагматонимов – наименований конфет) представлена прагматонимами, не имеющими выраженной прагматической нагрузки.

1. Отантропонимные прагматонимы, к примеру «Марина» (Кондитерская фабрика «АтАг», Вологодская область), «Стёпа» («Конфэшн» г. Саратов) и др.

2. Оттопонимные прагматонимы, отражающие географию региона-производителя: «Старый Оскол» («Славянка», г. Старый Оскол), «Сибирский хит» (Кондитерская фабрика Искитимская, г. Искитим), «Пермский край» (Пермская кондитерская фабрика, г. Пермь), «Саянские озёра» («Краскон», г. Красноярск) и др.

Прагматонимы дальней периферии, как правило, представлены в продаже в магазинах своего региона. Для носителей русской лингвокультуры они не имеют символического значения.

Выводы

Таким образом, в ближней периферии ономастического поля отонимных наименований конфет современных российских фабрик наиболее ярко выражена тенденция лингвокреативных наименований, ориентированных на разные сегменты потребительской аудитории, что обусловлено конкуренцией с известными российскими брендами и мировыми кондитерскими корпорациями (Nestle, Mars и др.).

Наиболее активны в плане продвижения от периферии к центру прагматонимы таких кондитерских фабрик, как «Такф» (г. Тамбов) – 2%, «Sweet life» (Пензенская обл.) – 2%, «Озерский сувенир» (г. Озёры, Московская обл.) – 3%, «Сибирь» (Иркутская обл.) – 3%, «Краскон» (г. Красноярск) – 5% от общего количества отонимных наименований конфет.

Представляется возможным прогнозировать продвижение таких прагматонимов ближней периферии, как «Краскоша» (и его дериватов), серий «Ореховичи», «Фруктовичи», «12 подвигов Геракла», «В гостях у сказки» из периферии к центру поля. Потенции такого продвижения соотносятся со степенью неординарности наименования: чем больше эмоций вызывает прагматоним у потребителя, тем вероятнее и скорее такое наименование переместится к центру ономастического поля.

Основываясь на данных исследования, можно сделать вывод, что наименования конфет, стремящиеся от периферии к центру ономастического поля, актуализируют важные для носителей русской лингвокультуры смыслы, имеют перспективы длительного бытования в языке и культуре. Детальное исследование ономастического поля отонимных прагматонимов – наименований конфет открывает перспективы выявления общих закономерностей полевого подхода в отношении коммерческих имен собственных.

Список литературы

1. Скворцов О. Г. Методы исследования лексических систем / О. Г. Скворцов. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2001. – 142 с.
2. Врублевская О. В. Языковая мода в русской ономастике: монография / О. В. Врублевская. – Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2017. – 329 с.
3. Крюкова И. В. Основные номинационные процессы в периферийной зоне ономастического пространства / И. В. Крюкова // Ономастика Поволжья: материалы Всероссийской VII конференции по ономастике Поволжья. – Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 1997. – С. 168–172.
4. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентности: монография / И. В. Крюкова. – Волгоград: Перемена, 2004. – 288 с.
5. Романова Т. П. Коммерческое послание рекламного имени / Т. П. Романова // Ономастика Поволжья: материалы X Международной конференции – Уфа: БГУ, 2006. – С. 316–319.
6. Файзуллина И. И. Ономастическое пространство современного города / И. И. Файзуллина // Вестник УЮИ. 2018. – № 3 (81). – С. 92–95.
7. Яковлева О. Е. Прагматонимы в системе собственных имен: семантика, функции, национально-культурная специфика / О. Е. Яковлева // Сибирский филологический журнал. 2005. – № 1–2. – С. 59–74.
8. Осипова Н. Д. О преемственности в отечественных отонимных названиях конфет: к постановке проблемы / Н. Б. Самсонов // Лексикология русского языка и стилистика художественного текста: сборник материалов Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов, преподавателей, посвященной 100-летию со дня рождения профессора А. Н. Кожина и 90-летию со дня рождения профессора М. Ф. Тузовой. – Москва: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 97–102.
9. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В. И. Супрун. – Волгоград, 2000. – 122 с.
10. Бизнес. Толковый словарь. Англо-русский / И. М. Осадчая. – Москва: ИНФРА-М Весь мир, 1998. – 759 с.
11. Национальный корпус русского языка: [сайт] – 2003–2021. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html/> (дата обращения: 20.08.2020).

12. Дударева Я. А. Основные способы копиального нейминга товаров / Я. А. Дударева // Вестник КемГУ. 2014. – № 4(60). – С. 155–159.
13. Сковородников А. П. Экология русского языка: монография / А. П. Сковородников. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 388 с.
14. Иванян Е. П. Проблемы лингвоэкологии в свете лингвистики креатива / Т. А. Гридина // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: лингвистика креатива. 2018. – № 2. – С. 209–215.
15. Осипова, Н. Д. Креативные прагматонимы – названия конфет в лингвоэкологическом аспекте / Н. Б. Самсонов и др. // Рациональное и эмоциональное в русском языке: сборник трудов Международной научной конференции, посвящённой памяти профессора П. А. Леканта. – Москва: ИИУ МГОУ, 2019. – С. 226–229.
16. Осипова, Н. Д. Социокультурное значение фиктонимных прагматонимов – названий конфет в современном русском дискурсе / Н. Д. Осипова // Поволжский педагогический вестник. – 2020. – Т. 8, № 1 (26). – С. 61–65.

Информация об авторах

Иванян Елена Павловна, доктор филологический наук, профессор, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания,

Самарский государственный социально-педагогический университет

Адрес: 443099, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67

E-mail: elogs@rambler.ru; Тел.: (846) 207-44-00

ORCID: 0000-0003-4782-0658

Осипова Наталья Дмитриевна, аспирант кафедры русского языка, культуры речи и методики их преподавания,

Самарский государственный социально-педагогический университет

Адрес: 443099, г. Самара, ул. Максима Горького, 65/67

E-mail: natasha.osipo@yandex.ru; Тел.: (846) 207-44-00

ORCID: 0000-0003-0328-9631

E. P. IVANYAN¹

N. D. OSIPOVA¹

¹ Samara State Socio-Pedagogical University, Samara, Russia

ONOMASTIC FIELD PERIPHERY OF OTONYM NAMES OF SWEETS OF MODERN RUSSIAN FACTORIES: PATTERNS AND TRENDS

Abstract

Objective: onomastic field of modern Russian otonym names of sweets periphery modelling and analysis of the movement pragmatonyms potential from periphery to the center of the field.

Methods: description of system analysis, data grouping, generalization.

Results: based on the analysis of studies on onomastics and history of Russian sweet factories the main features of the current stage of development of Russian pragmatonym are highlighted; with account taken of the specifics of language material the aspects of division of the onomastic field of otonym pragmatonyms – names of sweets of Russian sweet factories are stated, namely, the addressee aspect, recognition aspect and denotative frequency; in accordance

with the above-mentioned principles the periphery units of onomastic field of toponym names of sweets are defined; on the basis of pragmatic potential of naming the zones of near and far periphery are identified; the main methods of nomination in the near periphery are described; the tendency of pragmatonym movement of the near periphery to the center of onomastic field is trended: the more pragmatic yield of naming, the more its transition to the central zone.

Scientific novelty: the principles modelling of onomastic field of toponym pragmatonyms – names of sweets and its periphery analysis are firstly described in the article.

Practical significance: the results and conclusions of the study may be used in the scientific activity to build semantic fields of different modern Russian vocabulary.

Keywords: Pragmatonym, Toponym pragmatonym, Names of sweets, Onomastic field, Onomastic field periphery.

References

1. Skvortsov O. G. Metody issledovaniya leksicheskikh sistem (Methods for the study of lexical systems). – Ekaterinburg: Izd-vo AMB, 2001. 142 p. (in Russ.).
2. Vrublevskaya O. V. Yazykovaya moda v russkoy onomastike (Language Fashion in Russian Onomastics). – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2017. 329 p. (in Russ.).
3. Kryukova I. V. Osnovnye nominatsionnye protsessy v periferiynoy zone onomasticheskogo prostranstva (The Main nomination processes in the peripheral zone of the onomastic space), Onomastika Povolzh'ya: materialy VII konferentsii po onomastike Povolzh'ya. – Moscow: In-t etnologii i antropologii RAN, 1997. – P. 168–172. (in Russ.).
4. Kryukova I. V. Reklamnoye Imya: Ot Izobreteniya do Pretsedentnosti (Advertizing Name from an Invention to a Pretsedentnost). – Volgograd: Peremena Publ., 2004. – 288 p. (in Russ.).
5. Romanova T. P. Kommercheskoe poslanie reklamnogo imeni (Commercial message advertising name), Onomastika Povolzh'ya: Materialy X Mezhdunarodnoy konferentsii. Ufa, 2006. P. 316–319. (in Russ.).
6. Fayzullina I. I. Onomasticheskoe prostranstvo sovremennogo goroda. (The Onomastic Space of a Modern City), Vestnik UYU, – No. 3(81). 2018. – P. 92–95.
7. Yakovleva O. E. Pragmatonimy v sisteme sobstvennykh imen: semantika, funktsii, natsional'no-kul'turnaya spetsifika (Pragmatonyms in the System of Proper Names: Semantics, Functions, National-cultural Specificity), Sibirskiy filologicheskii zhurnal, – No. 1–2. 2005. – P. 59–74. (in Russ.).
8. Osipova N. D. O preemstvennosti v otechestvennykh ottonimnykh nazvaniya konfet: k postanovke problemy (About the Continuity in domestic toponym Names of Candies: to the problem statement), Leksikologiya russkogo yazyka i stilistika khudozhestvennogo teksta: sbornik materialov Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii studentov, aspirantov, преподавателей, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora A. N. Kozhina i 90-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. F. Tuzovoy. – Moscow: IIU MGOU, 2019. – P. 97–102. (in Russ.).
9. Suprun V. I. Onomasticheskoye Pole Russkogo Yazyka i Yego Khudozhestvenno-Esteticheskii Potentsial. (Onomastics Field of Russian and its Art and Esthetic Potential). – Volgograd, 2000. – 122 p. (in Russ.).
10. Biznes. Tolkovyy slovar'. Anglo-russkiy (Business. Dictionary. English-Russian) I. M. Osadchaya. – Moscow: INFRA-M Ves' mir, 1998. – 759 pp. (in Russ.).
11. The Russian National Corpus. – 2003–2021. (in Russ.). – 2003–2021. – Available at: URL: <https://ruscorpora.ru/new/index.html/> (accessed: 20.08.2020). (in Russ.).
12. Dudareva Ya. A. Osnovnye sposoby kopia'nogo neyminga tovarov (The Main Ways of Copynaming Products), Vestnik Kem GU, – No. 4(60). 2014. – P. 155–159. (in Russ.).
13. Skovorodnikov A. P. Ekologiya russkogo iazyka (Ecology of the Russian Language). – Krasnoyarsk, 2016. – 388 p.
14. Ivanyan E. P. Problemy lingvoekologii v svete lingvistiki kreativa (Problems of Linguoecology in the Light of Creativity Linguistics): materialy Mezhdunar. nauch. konf. «Lingvistika kreativa: tendentsii i perspektivy razvitiya novogo nauchnogo napravleniya». Ural'skiy filologicheskii vestnik, – No. 2. 2018. – P. 209–215. (in Russ.).
15. Osipova N. D. Kreativnye pragmatonimy – nazvaniya konfet v lingvoekologicheskom aspekte. (Creative pragmatonyms – Names of Candies in the linguo-ecological aspect), Ratsional'noe i emotsional'noe v russkom yazyke: sbornik trudov Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati professora P. A. Lekanta. – Moscow: IIU MGOU, 2019. – P. 226–229. (in Russ.).

16. Osipova N.D. Sotsiokul'turnoe znachenie fiktonimnykh pragmatonimov – nazvaniy konfet v sovremennom russkom diskurse (Sociokultural significance of Fictional Pragmatonyms – Names of Candies in Modern Russian Discours), Povolzhskiy pedagogicheskiy vestnik. – Vol. 8. – No. 1(26). 2020. – P. 61–65. (in Russ.).

Information about the authors

Elena P. Ivanyan, Doctor of Philology, professor, Department of Russian Language, Culture of Speech and Methods of Their Teaching, Samara State Socio-Pedagogical University

Address: 443099, Samara, 65/67 M. Gorkogo Str., Russia

E-mail: elogos@rambler.ru; Tel.: + 7846 207-44-00

ORCID: 0000-0003-4782-0658

Natalia D. Osipova, postgraduate student of the Department of Russian Language, Standards of Speech and Methods of its Teaching, Department of Russian Language, Culture of Speech and Methods of Their Teaching, Samara State Socio-Pedagogical University

Address: 443099, Samara, 65/67 M. Gorkogo Str., Russia

E-mail: natasha.osipo@yandex.ru; Tel.: + 7846 207-44-00

ORCID: 0000-0003-0328-9631

Contents

Study of art	3
<i>A. A. Drobysh</i>	
LEONID LISOVSKY'S DIARIES AS A DOCUMENT OF THE ERA	3
<i>I. V. Shesterenko, L. A. Shylenko</i>	
VITALIY KYREYKO'S BODY OF WORK IN OPERAS AND BALLETS: GENRE AND STYLE CHARACTERISTICS	13
History	19
<i>E. Y. Tomsett</i>	
EVSTAFIY MSTISLAVICH – THE FORGOTTEN PRINCE OF RUSSIAN HISTORY: TO THE MATTER OF THE “CASPIAN” MILITARY CAMPAIGNS OF THE TMUTARAKAN RUS IN THE ELEVENTH CENTURY	19
Pedagogy	28
<i>T. N. Sadykova</i>	
PEDAGOGICAL CONDITIONS FOR THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF A TEACHER OF PRESCHOOL EDUCATION	28
Sociology	34
<i>E. S. Gurenko, E. H. Karpova</i>	
THE PROBLEM OF VALUES IN THE POSTNONCLASSICAL SCIENCE.....	34
Philology and linguistics	45
<i>Yu. V. Gorshunov, E. Yu. Gorshunova</i>	
BORROWINGS FROM ORIENTAL LANGUAGES IN S. MAUGHAM'S STORIES.....	45
<i>E. P. Ivanyan, N. D. Osipova</i>	
ONOMASTIC FIELD PERIPHERY OF OTONYM NAMES OF SWEETS OF MODERN RUSSIAN FACTORIES: PATTERNS AND TRENDS	55

